

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 26 ● сентябрь ● 1987

ДО ЛУЧШИХ ВРЕМЕН

Рисунок В. ДМИТРИЮКА.

В НОМЕРЕ

ОТБИВНЫЕ ОТ БЛАГОДАРНОЙ ХАВРОНЬИ

стр. 4—5.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ О НЕПУТЕВОМ СЕРВИСЕ

стр. 6.

ПО VOLGE SHIROKOY, КАК ПО МИССИСИПИ

стр. 8—9.

СОАВТОР КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

стр. 10.

В НОМЕРЕ

ОПЕРАЦИЯ «ТЕЩА»

Предположим, что к вам приехала желанная гостья в звании тещи. Предположим также, что дни приятного общения с ней стали подходить к концу. Что в таком случае остается сделать опечаленному зятю? Смахнув слезу, съездить на вокзал и приобрести для дорогой родственницы обратный билет, скажете вы и будете в принципе правы.

А как быть, если теща не простая? Ну, например, крупного руководящего работника? Еще конкретней — заместителя начальника «Главюжэнерго» Министерства энергетики и электрификации СССР Б. М. Кабелева? В этом случае вроде бы несолидно прибегать к помощи банального железнодорожного транспорта.

Так считал и сам Борис Михайлович. А посему позвонил проректору Ивановского энергетического института по административно-хозяйственной части К. А. Быкову и попросил выслать за тещей легковую машину. Ну, а тому жалко, что ли? Автомобиль государственный, бензин — тоже. Почему бы не оказать услугу высокому должностному лицу?

Так же думал и проректор института по учебной работе В. А. Гусев, мигом подмахнувший водителю командировочное удостоверение.

...Операция «Теща» прошла в целом успешно, если не считать маленькой накладки. Дело в том, что в пути институтский «Москвич» был остановлен работником ГАИ, полюбозытствовавшим, что за пассажира везет водитель из Москвы в Иваново. И это непредвиденное обстоятельство повлекло для услуж-

ливого К. А. Быкова неприятные последствия: пришлось ему уплатить 100 рублей штрафа, возместить стоимость 600-километрового пробега машины и израсходованного горючего.

Что же касается товарища Кабелева, то он чувствует себя человеком, честно выполнившим свой родственный долг.

И. МАРТЯНОВ, г. Иваново.

ЛЮБЕЗНОСТЬ ЗА НАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ

Сердюковы, они живут в селе Янченково Тугучинского района Новосибирской области, купили стенку. Такую, какая снилась. Называется «Москвич», правда, изготовили ее в Новосибирске.

Радости полон дом! Хозяин все дела побоку, двое суток сидел на полу с отверткой. И когда он собрал два шкафа, выяснилось — для третьего нет фурнитуры!

— А куда ж я выставлю посуду? — резонно заметила жена и побежала в магазин: мол, товарищи продавцы, выложили за стенку такие деньги, что хоть зубы на полку, но оказалось недо- вложение фурнитуры. Что делать?

— Соберите стенку, упакуйте и отошлите с претензией в Новосибирск! — посоветовали Сердюковой продавцы.

— Да ведь это морока страшная! — вскрикнула Сердюкова.

— Тогда пишите на фабрику!

Сердюкова так и сделала. Новосибирская мебельная фабрика № 3 оказала любезность, прислала фурнитуру, но за наличный расчет.

Казалось, инцидент исчерпан. Но пишет в редакцию Сердюкова: жалко денег! Почему мы выложили дополнительно сорок рублей? Ответьте.

Отвечаем! Тов. Сердюкова! Поставь-

те себя на место продавцов, которые, кстати, и должны были проверить комплектность стенки. Им пришлось бы писать рекламацию на фабрику, ждать ответ, уведомлять вас...

Куда проще посоветовать покупателю отослать мебель изготовителю или, что еще проще, заставить оплатить покупателя промах магазина.

Ответ ясен?

Ю. КАЗАНЦЕВ.

ЛИСТОНАД КРУТЫЙ ГОД

«Любите книгу — источник знаний!» — мудро воскликнул классик. К сожалению, ученикам Омского сельскохозяйственного техникума по подготовке руководящих кадров совхозов и колхозов (ОмСХТ) порой очень трудно следовать этому совету. Книги, поступающие в распоряжение библиотеки техникума, — источник не столько знаний, сколько страданий. Вот, скажем, «Экономика сельского хозяйства» (1985 г.), отпечатанная в типографии г. Владимира (Октябрьский пр., 7). Она в хилой бумажной обложке, в клеевом переплете, рассчитана на использование в течение пяти-восьми лет. Но роняет листы быстрее, чем осина осенью, — за восемь дней.

Или вот «Поштаев А. В., Беспалов В. А. Практикум по управлению на сельхозпредприятиях» (1985 г.) — детище Ивановской типографии (ул. Типографская, 6). Положить его в сумку можно, только обвязав крест-накрест веревочкой. Иначе перед началом занятий студенту придется ловить порхающие по аудитории листочки.

Вообще можно подумать, что среди типографских работников наблюдается какая-то загадочная нелюбовь к сельскохозяйственной тематике. Перед нами еще одна книга. При первом взгляде на нее можно подумать, что это зачитанные «Записки следователя», но

уж никак не «Левин К. Искусственное осеменение свиней». За несколько дней полностью рассыпалась. Отпечатан учебник в типографии г. Электросталь (ул. Тевосяна, 25) всего лишь в 1986 году.

Оттуда же, из Электростали, вышло «Акушерство мелких животных. Карпов В. А.». Этот книжный полуфабрикат необязательно носить с собой целиком — студент спокойно может взять только нужную главу. А со стола учебник не берут, а, скорее, собирают.

Словом, благодаря типографским работникам в Омском сельхозтехникуме — и, разумеется, не только в нем — круглый год книжный листопад.

С. БОВЫКИНА.

ШЕСТОЙ ЛИШНИЙ...

Жительница Риги Алла Голдмане, будучи в городе Цесисе, в магазине «Бытовая техника» увидела люстру. Производит ее ГДР. Пятирожковую. Да еще с запасным плафоном. Красота! Если ненароком разобьется один плафон, можно заменить.

Но, получая покупку, она с удивлением увидела, что продавец вынул шестой плафон из коробки и отложил в сторону.

— К пяти рожкам шестой — это излишество, — пояснил он. — База сообщила, что товар пятиламповый.

Приехав домой, Алла Голдмане написала жалобу. Ответ из Министерства торговли Латвийской ССР тоже удивил ее: госторинспекция сообщила, что никакого нарушения не было, что люстра комплектуется пятью плафонами. Хотя в наклейке на коробке с люстрой написано, что к люстре прилагается шесть плафонов.

А может, расчет строился на том, что наклейка на «заграничном» языке? Люстра-то импортная. Авось, мол, не поймут.

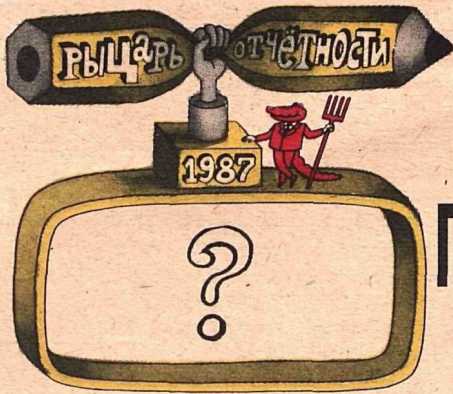
В. СИНЦОВА.

И СООБРАЗИЛИ...

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

Как уже известно читателям, Крокодил объявил всесоюзный заочный лично-командный турнир **РЫЦАРЕЙ ВЕДОМСТВЕННОЙ ОТЧЕТНОСТИ**. Сегодня мы представляем очередного кандидата на этот почетный титул.

НА ПТИЧЬИХ ПРАВАХ

Восемь лет я работал в системе треста «Запорожптицепром» (управляющий т. Биллерис Ю. А.), и все эти годы в трест ежемесячно вызывают с каждого из двенадцати подчиненных ему птицевосхов и птицефабрик от 8 до 12 главных специалистов. Они везут на особом автобусе кто одну, кто две бумажки. Зачем? В тресте говорят: так надо.

В Запорожье главные специалисты в течение 15—20 минут вручают эти бумажки, а затем тратят день на хождение по городским магазинам.

Таким образом, каждое хозяйство ежемесячно теряет 8—10 рабочих дней главных специалистов, не считая рабочего дня водителя автобуса. К этому надо добавить расход горючего, амортизацию машины и прочие расходы. Это ежемесячно. Но кроме этого, специалистов вызывают на отчеты квартальные и полугодовые. А уж годовой отчет везет главный бухгалтер хозяйства, который сидит в тресте не меньше месяца. После чего все работники, причастные к созданию годового отчета, получают за это премию.

Подобная система отчетности не предусмотрена никакими правовыми документами. Но, может, существует какое-то особое птицепромовское, а проще — птичье право?

А. ЗАМЛИНСКИЙ,
Токмакский район Запорожской области.

— Огурцы-то у вас желтые!
— Тогда берите помидоры. Они зеленые.

Рисунок
Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Читателю не до смеха

Здравствуй, уважаемый Крокодил!

Уже не раз доставалось от твоих вил нашему брату-железнодорожнику. И больно было, и обидно, но, как правило, на пользу шло. Поэтому и обращаюсь к тебе в надежде, что сможешь нам разобрататься, что происходит.

Я работаю в депо Сольвычегодск Северной железной дороги, начальником рефрижераторной секции. В очередной раз мы доставили груз на Восточно-Сибирскую железную дорогу. После выгрузки наши секции, как правило, направляют на погрузку в дальневосточные порты — Владивосток или Находку.

В Улан-Удэ, в отделении дороги, я поинтересовался, как планируют распорядиться в дальнейшем нашей секцией. Мне ответили, что будут ставить в запас, хотя, по моим сведениям, и без того на дороге скопилось уже много порожних секций: на многих станциях от Иркутска до Улан-Удэ мы видели простаивающие составы рефсекций.

Нам еще относительно повезло — наш состав из 8 секций был 23 апреля отправлен на Забайкальскую ж. д. Мы уже было обрадовались, что попадем под погрузку, но... не тут-то было: мы прибыли на станцию Ксеньевская, где наш и еще один состав (из 6 секций) 27 апреля поставили в запас. По пути мы видели, что и на этой дороге простаивает много рефсекций. Из разговоров с бригадами других секций я узнал, что простаивают они по 2—3 недели и больше.

Нас, рефрижераторщиков, просто не устраивают: от пробега зависит доход депо и наша премия. Поэтому мы подаем в различные железнодородные инстанции служебные телеграммы с требованием ускорить продвижение. Так предписывают нам инструкции. Но, как правило, пользы от этих телеграмм мало. Ведь простаиваем мы по указаниям тех же товарищей, которые составили эти инструкции, то есть по распоряжению МПС.

Поэтому 28 апреля я отправил телеграмму в «Крокодил» с просьбой помочь попасть под погрузку. Теле-

грамма подействовала, и уже 1 мая мы получили праздничный подарок: наш состав после четырехсуточного простоя был отправлен прямиком в Находку. Соседний же состав, простоявший больше трех недель, и многие другие, вероятно, до сих пор ждут работы...

Я все думаю, почему же простаивают секции? Ведь наверняка где-то они очень нужны. Тем более что, как я узнал в Находке, уже много месяцев этот порт не получает того количества вагонов, которое может отгрузить. В результате бригады опытных докеров направляются на подсобные работы или попросту — простаивают... Я сказал им, что собираюсь написать обо всем этом в редакцию «Крокодила», но не очень поверили бригадиры, что это поможет. Они рассказали мне, что на протяжении многих месяцев руководство порта неоднократно просило, требовало от железнодорожников вплоть до МПС и от местных партийных органов обеспечить ритмичную подачу необходимого количества вагонов. Но планы железнодорожников почему-то постоянно ниже планов портовиков и рыбаков, да и ритмичность оставляет желать лучшего. Так что воз, как говорится, и ныне там, вернее, не там, где ему надо бы быть.

Во время нашего разговора с бригадирами подошел к нам начальник грузового района порта В. И. Патрушев. Услышав, о чем мы беседуем, он привел мне такие данные: работы в счет коммунистического субботника, согласно принятым докерами социальным, из-за систематической нехватки вагонов были завершены только накануне 1 мая. Нужен ли такой почти полумесячный субботник? Не теряется ли его политический смысл? За время с 28 апреля по 5 мая из-за нехватки вагонов приходилось отпускать грузчиков домой за 2—3 часа до окончания смены. В результате безвозвратно потеряно 2058 человеко-часов рабочего времени, что в пересчете составляет около 90 непогруженных рефрижераторных вагонов, или более 4 тысяч тонн рыбной продукции. И в то же самое время на других железных дорогах простаивают сотни рефрижераторных секций!..

Какой-то абсурд: рефрижераторные бригады всеми правдами и неправдами пытаются вырваться из запаса под погрузку. Докеры Находки задыхаются из-за отсутствия вагонов. Грузотправители и перевозчики требуют работы. Кто же мешает нам работать?

В. ГОРЕЛОВ.

«...А ДОЦЕНТЫ ЛУЧШЕ!»

Можно ли что-то придумать, чтобы фрукты-овощи не гнили тоннами на плодовоощных базах, а доцентов с кандидатами не отрывали то и дело от их прямой работы для переборки этого гнилья на базах? Оказывается, можно придумать. Больше того — уже придумано: учеными предложена специальная пленка с мембранным устройством, которая позволяет сохранить продукты, а значит, сэкономить государству миллионы рублей. Словом, выход из положения есть, но нет... пленки. Госагропром, самая, казалось бы, заинтересованная сторона, много лет тормозит внедрение чудо-пленки. Об этом говорилось в фельетоне Б. Лившина «...А доценты лучше!» (№ 17).

Заместитель председателя Госагропрома СССР Н. Зайченко в своем ответе Крокодилу признал: «В фельетоне правильно отмечается, что неоправданно медленно внедряются прогрессивные способы хранения плодовоощной продукции и вместе с тем допускаются ее большие потери». Виновные в многолетней волокитке с внедрением понесли наказание. Так, упомянутый в фельетоне ведущий специалист отдела по производству и переработке плодовоощной продукции и картофеля Госагропрома СССР В. Андреев освобожден от занимаемой должности.

Сообщается о мерах, принимаемых Госагропромом, чтоб все больше фруктов и овощей хранилось под пленкой с мембранами. В частности, приводится такая цифра: к концу текущей пятилетки объем хранения этой продукции достигнет 300 тысяч тонн (а в 1986 г. — лишь 8,5 тыс. тонн). Изготовлять пленки с мембранами Госагропром поручил всесоюзному объединению «Союзсельхозхимия».

Этюд первый

МОЖЕТ ЛИ
СВИНЬЯ ЖИТЬ В
СОБАЧЬЕЙ БУДКЕ?

Что общего у швейной и гардинно-тюлевой фабрик, расположенных в Горно-Алтайске?

Обе имеют дело с тканями. Более того, оба предприятия несколько лет назад обзавелись подсобными хозяйствами: начали разводить свиней. Дело полезное, заслуживающее аплодисментов.

Швейники резво взяли с места. «Продовольственную программу — выполним!» — вывесили они плакат. И спешно сколотили для свиней из досок нечто среднее между собачьей будкой и крольчатником.

Свиней запрессовывали в новостройку, как сельдь иваси в банку. Они визжали, но с ними не церемонились. В тесноте, да не в обиде! — рассуждали новоявленные свиноводы. На организацию подсобного хозяйства руководители фабрики затратили рекордно малое время, не удосужившись мысленно заглянуть в будущее, поразмыслить: а как же пойдет дело далее?

Наскоро сляпав горе-свинар-

ник, администрация фабрики стала нетерпеливо ожидать, когда можно будет полакомиться жареными отбивными.

Но тут обнаружилась одна досадная деталь: выяснилось, что за свиньями нужно убирать, причем довольно часто. Делать это оказалось затруднительно по причине все той же неописуемой тесноты. А пол деревянный, негигиеничный, и через несколько дней из всех щелей свинофермы хлынуло в окружающую среду удушливое амбре.

Сами швейники стойко терпели ароматы, полагая, что они — неизбежные издержки при производстве отбивных. Жильцы же близлежащих домов, не имевшие долевого участия в фабричном свиноводстве, терпеть не захотели. Они толпами ходили по всем инстанциям и требовали закрыть свинарник. Их узнавали по запаху и обещали помочь.

В довершение всего из-за скученности и грязи в свинарнике начался мор. Дегустация отбивных несколько задержива-

лась. По предписанию санэпидстанции свинарник закрыли, а оставшихся в живых 20 свиней перевели на новое местожительство: в старый, заброшенный хлев, далеко за городом.

Хлев был покрыт прахом времени. Там давно не ступала нога человека. Дезинфектора, в частности. И перед свинячьим новосельем никакой санитарной обработки территории и помещения сделано не было. Через несколько дней вездесущие хавроньи раскопали на территории своего нового пристанища какую-то застарелую заразу, и вскоре все до единой испустило дух. Вместе с ними тихо скон-

чалось и подсобное хозяйство Горно-Алтайской швейной фабрики.

— Нам выделяли землю, предлагали вновь заняться этим делом, но мы категорически отказались, — твердо заявил мне заместитель директора фабрики В. Березиков. — С нас хватит!

Правильно, Валерий Михайлович! Не надо мучить животных и понапрасну обольщать рабочих фабрики несбыточными надеждами на увеличение в рационе их питания доли мясных блюд. Пусть жуют котлеты из хека серебристого. Это надежней.

Этюд второй

ТЮЛЬ
СО СВИНИНОЙ

«Вот она, суровая правда жизни! — подавленно думал я, возвращаясь с фабрики. — Очевидно, швейникам такое просто не под силу. Поеду на гардинно-тюлевую...»

— Работает подсобное хозяйство, — встретил меня директор Б. Хорев. — И без убытков. В прошлом году продали рабочим пять тонн мяса...

Это было любопытно.

Пошли с Борисом Васильевичем по территории фабрики.

Я поводил ноздрями, как ирландский сеттер на тяге, стараясь уловить знакомые ароматы свинарника. Но, кроме свежести мокрого от дождя горного леса, ничего не улавливал.

А свинарник тем не менее был уже рядом — длинный, добротный, из шлакоблоков, на 100 голов.

— Запахи — где? — тихо спросил я директора.

Хорев провел меня внутрь свинофермы. Под ногами — це-

Н. РЫНДИЧ, специальный корреспондент Крокодила

ДВА ЭТЮДА С ОТБИВНОЙ

Рисунок
Р. САМОЙЛОВА.

— Доктор, я слышал, что есть новые обезболивающие средства...

— Вам надо проверить слух, больной...

— Какая еще токсикомания? У нас вентиляция второй месяц не работает!

Рисунок Л. СТОРОЖУКА, г. Харьков.

ментный пол со стоками. Резиновый шланг с бьющей струей воды. Цемент чист до глянца. Все запахи вместе с навозом уплывают в отстойник — большую яму. Здесь навоз высыхает и вывозится на поля.

Кто сказал, что свинья любит грязь? Неправда. К ней ее приучают нерадивые хозяева. На гардинно-тюлевой фабрике все свиньи опрятны. Я видел их в загонах — розовых, сытых, под центнер весом каждая, окруженных выводком крошечных поросят, которых охотно покупают рабочие. Заботятся об этом беспокойном хозяйстве две свинарки. Помогает им один грузчик. Ветврач — по совместительству.

Откуда все это, какой ценой? — Стройматериалы где взяли? — спросил я.

— А вон котельная у нас, — кивнул головой Хорев. — Обмазали шлак цементом, и все. Цемент — фондовый.

«Ловкачи! — восторженно подумал я. — А ведь у швейников тоже есть котельная. Могли бы при желании соорудить точно такой же свинарник!»

— А подстилка! — озаренно воскликнул я. — Где берете подстилку для свиней?

— А у нас столярный цех свой, — отбивался Хорев. — Опилок — горы!

«И у швейников есть столярка», — тоскливо вспомнил я и перешел к другим вопросам.

— Корма откуда берете?

— Пищевые отходы из столовых. Сыворотку с сырзавода, отходы с хлебозавода.

— Как рассчитывается?

— Со всеми, кроме хлебозавода, деньгами. Рабочих хлебозавода в качестве оплаты снабжаем мясом.

А откуда у них автотранспорт для нужд подсобного хозяйства? На чем они вывозят корма, навоз? Ведь за кормами надо ездить два раза в день. Собирать по всему городу! Опять же бензин, запчасти, гараж. Автомобиль способен съесть всех свиней без остатка, вместе с копытами и хвостами!

— Нет у нас автотранспорта, — признался директор. — Зато есть три лошади, наши спастельницы. Им бензин и запчасти не нужны. Только сено. А его мы накашиваем летом сами. И хватает.

Наверняка швейники могли бы делать то же самое, вновь подумал я. Не хватило деловитости, хозяйской жилки... А тут попался настойчивый, предприимчивый директор. Сколько раз была у него возможность стряхнуть с себя все эти обременительные хлопоты по свиноводству, сказав одно только слово «нет». Нет кормов, людей, опилок, транспорта. И все, подсобному хозяйству не бывать!

Но нет, не хочет спокойной жизни товарищ директор! И потому приятно было с ним познакомиться. И с заместителем его, Владимиром Тихоновичем Быстровым, тоже энтузиастом и тоже хозяином. В общем, тут передо мною оказался живой пример того, чего можно добиться с помощью инициативы и настойчивости. И если рабочие предприятия получили в достаточном количестве свинину к своему столу, то это наверняка поможет фабрике выпускать гардинно-тюлевое полотно самого высокого качества и необыкновенной красоты расцветок.

Горно-Алтайская автономная область.

ЗАПРЕТИТЕЛЬ

Жил на свете некий чин,
Дома он всегда молчал,
На работе без причин
Все на свете запрещал.

Стали юбки коротить,
Чтоб колени было видно,
Он увидел: — Запретить!
В наше время? Как не стыдно!

Стали брюки узкие
Надевать внезапно,
Он кричит: — Мы русские,
А глядим на Запад!

— Снять, — кричит, — такой позор,
Чтоб в таких штанах ни шагу!
Персональный мой шофер,
А походишь на стилигу!

И ушел тогда шофер,
Не вернулся до сих пор.
А потом ушла жена
И теперь живет одна.

Дети, что при нем держались,
Тоже вскоре разбежались,
Кот и тот ушел куда-то
От такого бюрократа.

Запретитель наш постылый
Едет в Сочи отдыхать,
А вернется — с новой силой
Будет что-то запрещать!

ПРОСЬБА

Из далекого сельмага
В министерство шла бумага
С просьбой — срочно пособить,
И товар занарядить.

Двадцать восемь кабинетов
Бумаженция прошла,
Неужели власть Советов
Бюрократам не страшна?!

Бюрократ! Имей отвагу,
Подпиши скорей бумагу,
Ждут ударники полей
Срочной подписи твоей.

Не откладывай решенья,
Не наморщивай чело!
Дай скорее разрешенье
И отправь товар в село!

ХАПУГА

Свет в окошке радует,
Тьма в лесу тревожит,
Тьмою и неправдою
Личность жить не может.

Тьмою и неправдою
Может жить хапуга.
Он для этой цели
Свинчен очень туго.

Хапаным, ворованым
Он всю жизнь торгует.
Ходит, улыбается,
Голубем воркует.

Это он с утра уже
Маску надевает.
И преуспевают,
И преуспевают!

ТЕРЕМ-ТЕРЕМОК

У кого-то руки на руле,
Кто-то смотрит вдаль неустрашимо.
У кого-то руки на нуле,
Если это так, то стоп, машина!

А машина эта — черепок,
В нем ютится разум величавый.
Терем, терем, терем-теремок,
Кто же в тереме живет?

Молчанье.

Ни мышки-норушки,
Ни лягушки-квакушки,
Ни зайца белого,
Ни волка серого,
А серого вещества и в помине нет,
Вот где причина бед!

* * *

Он в дублёрке, она в дублёрке,
Он в ондатре, она в ондатре,
Он не молод, она не юная,
Но неплохо живут коммунаю!

Он с портфелем, она с портфелем,
Он начальник, она начальник,
Он запел, и она подпекает,
Их действительность не омрачает.

Он читает, она читает,
Он — романы, она — романы,
Не для них инвалид напекает:
Ой, туманы, мои растуманы!

ВАГОН

Люблю вагон моторный,
Гремит он всю дорогу.
Но это не мешает
Советскому народу.

Он едет, и смеется,
И что-то выжет спицей.
Ему от грома с тряской
Как в молодости спится.

А ты, моя родная,
Моторного боишься,
А ты, моя родная,
В моторный не садишься.

Ты ищешь где потише,
А я — где пошумнее.
Чей выбор ближе к жизни
И кто из нас умнее?

ХОРОШИЙ ПРИМЕР

Собака, тибетский терьер,
Дала мне хороший пример:
Не лаяла, не кусалась,
Ни на кого не бросалась!

* * *

Пластмассовость поэтов,
Пластмассовость певиц —
Как надоела эта
Безликость серых лиц!

* * *

В век техники и скоростей
Пешочком ходит коростель,
Машины он не покупает
И очень мудро поступает!

— Попался! Теперь я тебя на триста рублей оштрафую!
— Вот возьмите из этой сумки.

Рисунок В. МОХОВА.

Мои знакомые собирались в отпуск. Их путь лежал через Херсонскую область и заканчивался в небольшом приморском городке Скадовске.

Я забежала к ним попрощаться и ахнула. Весь пол в квартире был завален авоськами, мешочками, кулечками, пакетами и пакетиками с провизией. В дужовке томились кури.

— Провиант в дорогу! — торжественно пояснила моя приятельница. — Запасала с зимы!

— Зачем волоочь с собой такую тяжесть? — пожала плечами я. — Вы же едете на юг. На автомобиле. Вышел закон об индивидуальной трудовой деятельности. Уверена, вдоль дорог вновь роятся старушки и пенсионеры и вовсе незачем забивать машину авоськами.

— Поезжай налегке сама, — отмахнулись недоверчивые приятели. — А уж мы поедем по старинке, со своей провизией. Кстати, можешь присоединиться, у нас в машине осталось свободное местечко.

А действительно, почему бы не совершить экспериментальное путешествие в Скадовск? Статистика утверждает, что туристов становится больше. Реклама призывает нас активнее курсировать по авто- и железным дорогам. Но готова ли сегодня дорога накормить путешественника полноценным горячим обедом? И отвяжемся ли мы наконец от изнурительной необходимости волоочь тук с провизией «на всякий случай»?

До Херсона добрались без осложнений, поскольку поехали домашние запасы. Но когда младший сын приятелей сжевал последний пирожок и выпил оставшийся компот, моя подруга, подхватив кошелки, изготовилась к набегу на продуктовые магазины.

— Остановись! — твердо сказала я. — Мы уже на юге: в дороге нас теперь завалит едой.

Мы замечательно провели день. Гуляли по парку, бродили по улицам, заглянули в кинотеатр. Сводили ребятенка к обелиску Потемкина.

Утром двинулись в путь. За окнами автомобиля мелькали справные украинские хатки. На огородах дремали лебежки-огурцы. Припекало южное солнце, и наш младший путешественник захныкал от жажды, но, как ни крутили мы головой, на всей привольной территории Цюрупинского района не увидели ни одного кафе.

Приятельница начала бросать на меня укоризненные взгляды. Я заерзала, чувствуя себя неуютно, но тут — о радость! — из-за поворота

выплыла «Шашлычная», а рядом счит: «Село Гладковка Голопристанского района».

— Приехали! — заметно повеселел отец семейства, и мы остановились.

В «Шашлычной» шашлыками не пахло. У могучей плиты сутились три поварахи, мастряча популярный общепитовский деликатес — «бифштекс с яйцом». Увидев спрессованный, словно камушек, кусок мяса и расплющенное яйцо, младшенький заревел еще больше, а папа заметно скис, и взгляд его стал мутным, как «компот яблочный».

— А шашлыки бывают? — на фоне всеобщего разочарованного молчания подала голос я. — Зелень, редиска, огурчики?

— Если привезут, — хохотнули поварахи.

Шашлычная оказалась убыточной, с маленьким до неприличия оборотом — две тысячи в месяц. Как же это получилось, что кафе, так необходимое автопутнику и расположенное на бойкой трассе, прогорает с треском? И отчего так скуден ассортимент?

Мы отправились в районный центр Голая Пристань, и, пока мои попутчики заправлялись в местном ресторане, я побеседовала с зампредседателя Голопристанского райисполкома В. С. Грачевым.

— Специально для приезжих у нас вообще закусовых не строят, — сразу уточнил ситуацию Владимир Сергеевич. — Хотя, согласен, такие кафе нужны. Но беда в том, что на трассе нет постоянной клиентуры, а потому кафе нерентабельны.

Но даже та клиентура, добавим от себя, которая появляется на трассе, вряд ли соблазнится неаппетитными дарами шашлычной. Отсюда и нерентабельность. Получается замкнутый круг. Хотя частично можно понять и «шашлычников»: прежде чем приготовить «салат летний», нужно составить заявку, затем по накладным получить надлежащее количество зелени, выбить транспорт, привезти, проверить вес, перебрать и списать то, что сгнило, маракуя, в какую графу оформить убытки. Головная боль, да и только!

Так не правильнее ли искать другой выход?

Например, организовать маленькое, мобильное семейное кафе со своим садом-огородом, где без накладных можно нащипать к столу укропа? Впрочем, такие кафе не новость, они существовали издревле: это трактир и корчма.

— Вы предлагали жителям придорожных сел открыть семейные закусовые прямо на веранде? — поинтересовалась я у зампреда.

Честная инициатива

Ирина СКОРОБОГАТОВА, специальный корреспондент Крокодила

СЕРВИС НА ОБОЧИНЕ

— У наших жителей нет условий, которые бы удовлетворили санэпидстанцию, — сказал Владимир Сергеевич. — Горячей воды, вытяжных шкафов, вентиляции...

Вопрос к санэпидстанции я решила отложить до возвращения в Москву, а пока — в дорогу!

Мои спутники, перекусившие в центральном городском ресторане, повеселели и поглядывали на меня ехидно-торжествующе: что, мол, съела?

— Мы еще не приехали, — пыталась держаться я. Но, увы, встретившиеся по пути два миража, именующие кафе № 2 села Михайловка и «Колос» в Ново-Николаевке, окончательно развеяли мои надежды: едва обрадованный путник переступил порог этих оазисов, мечтая отведать летнего борща, как мираж рассеивался и наяву оставались лишь «щипильные» и «помидоры маринованные с луком».

В Скадовске приятельница сказала, что больше в эксперименте не участвует, и занялась организацией запасов продовольствия на обратный путь. А я купила билет на поезд № 66 Николаев—Москва.

«Может быть, железная дорога, — подумала я, — относится более гостеприимно к пассажиру?»

Пытаясь описать картину вагона-ресторана, я долго подыскивала слова. Впрочем, описывать было... нечего. «Суп вермишелевый», «гуляш с кашей», чахлый цветочек да пара скукающих посетителей — вот его полное описание.

Но зато как яркие и многообещающие названия маленьких южных полустаночков! Белая Криница, Божедаровка... Именно на таких станциях когда-то сновали веселые бабуся с капустой, салом, вишней, клубникой, яблоками, жареными курами... Но нынче Божедаровка пуста. Ау, бабуся, где вы? Ведь было же время, когда маленькая станция Поньры славилась на всю страну гусями. А на вокзалах и автодорогах Липецкой области яблоки покупали только ведрами... Станица Белореченская! Пассажиры железнодорожных поездов произносят это слово нараспев, как бы смакуя молодую вареную картошечку и малосольный огурчик. А подмосковные Черусти? Там буквально заваливали туриста ягодой...

В последние годы перроны опустели. Грозные милиционеры прогнали старушек, нарушавших, по мнению административных органов, идеальный порядок на железной дороге, а не менее сердитая санэпидстанция всерьез утверждала, что пенсионеры выходят с солеными помидорами на станции исключительно для того, чтобы отравить доверчивых пассажиров, к тому же слушив с них тройную цену.

— Домашней колбаски не хотите? — послышался где-то слева осторожный шепот.

Мимо просеменила маленькая седенькая продавщица с товаром, хитроумно упакованным в чемодан.

— Хочу, хочу... — заволновалась я, но, увы, пока бегала за деньгами, кормилица исчезла. На ее месте чеканил шаг отряд дружинников.

Зато около вагона-ресторана толпился народ, отчаянно размахивая сумками.

— Граждане, — вещал с подножки директор. — не напирайте: колбаса останкинская кончается. Яйца, масло, лимоны и апельсины в порядке общей очереди. Соблюдайте осторожность, стоянка — пять минут.

— Мы все продукты продаем на станциях местным жителям, — просто объяснил свои действия директор В. Н. Несмелов. — Так легче выполнить план. Какая нам разница, откуда брать деньги: со столов или с перронов? Жаль, мало дают дефицитных продуктов.

Ну, а чем порадуют пассажиров многочисленные буфеты, расположенные на таких крупных станциях, как Тула, Орел, Скуратово? Ничем, поскольку, глядя на их содержимое, можно подумать, что какой-то единый всесоюзный горе-кулинар готовил эти продукты: неаппетитную котлетку в булке, полусухое пирожное, конфеты в выцветших обертках, кексы.

Вернувшись в Москву, я позвонила начальнику санитарно-эпидемиологического отдела МПС СССР В. Д. Кривуле.

— Мое путешествие в Скадовск доказало, что государству без помощи семейного или коллективного подряда современного туриста не накормить. Как же получилось, что до сих пор инициативные люди, готовые прийти на помощь, не нашли общего языка с санэпидстанцией? Ведь современная экономика требует гибкости и активного вмешательства местных властей.

— Специальных разработок для индивидуальных хозяйств Минздрав СССР нам пока не спускал, — ответил В. Д. Кривуля.

А так ли уж они необходимы, эти глобальные инструкции? Неужели местным властям не под силу организовать санитарный пост на вокзале? Ведь на рынках они давно существуют. И не перевелись же еще хозяйки с исконно народными чертами — чистоплотностью, уважительным отношением к ближнему. Готовим же мы, наконец, угощение для своих знакомых, не приглашая накануне отряд санитарных врачей!

Москва—Херсон—Скадовск—Москва.

ГИРЕЙ ПО КИСЕЛЮ

Когда Баадурчику в пятый раз поставили под глазом фонарь, папа сказал:

— Хватит! Мне это надоело!

— Ты пойдешь и побьешь Гоги, Тенгиза и Важу, которые калечат нашего мальчика? — спросила мама.

— Нет, я сделаю из него настоящего мужчину. Я подарю ему гирию. Я заставлю его каждое утро делать зарядку, и тогда во дворе он из любого витязя сделает тигровую шкуру!

Папа надел свою выходную кепку, взял Баадурчика за руку, и они отправились в только что открытый в Тбилиси, единственный на всем Кавказе магазин спорттоваров для детей «Имеди» («Надежда»).

— Вот, — показал папа на сына, обратившись к продавцу. — Из этой вот размазни, манной каши, повидла надо сделать гору железных мышц.

Баадурчик стоял, заслонив ладонью подбитый глаз.

— Что ж, — кивнул продавец, — в нашем фирменном магазине в большом ассортименте пудовые гири.

Папа снял кепку, чтобы почесать лысину, и снова надел.

— Вы меня не так поняли, уважаемый, — кашлянул он. — Этому студню всего десять лет. Дайте гирию хотя бы в полпуда.

— Чего нет, того нет, — поднял плечи к ушам продавец. — Руставский металлургический комбинат раньше выпускал из отходов полупудовые гири, и они пользовались спросом. Но теперь выпуск прекратили. Как говорится в известном анекдоте, сами удивляемся... Изредка к нам привозят гири из Баку, но их тут же расхватывают, так что ничем не могу помочь.

— Как же быть? — спросил папа. — Каким видом спорта теперь заняться этому киселю?

— А каким хотите. Только не требуйте от нашего магазина невозможного. Мы получаем спортивные костюмы только на Жаботинского, меньших размеров не бывает. А велосипедов, плавательных шапочек, ласт, детских спортивных игр днем с огнем не найдете.

— Пусть играет в футбол! — изрек папа. — Будет таким же смелым и сильным, как Сулаквелидзе, Чивадзе, Габелия и Шенгелия!

— Пусть, — сказал продавец. — Только бутсы у нас исключительно сорок пятого размера. Бегать придется в спортивных тапочках... Хотя, пардон, тапочек тоже нет. Что же касается мячей, то это как повезет. Согласно официальной статистике, на сотню мячей местного производства двадцать имеют форму саквожая...

Тут вступил Баадурчик. Он захныкал:

— Не хочу играть в футбол, хочу играть в шахматы! А Тенгизу, Гоги и Важе можно настелить шахматной доской!

— Правильно, молодец, весь в меня! — папа погладил мальчика по макушке. — Заверните нам шахматную доску!

— Рад бы, да не могу, — вздохнул продавец. — Доски у нас бывают только картонные. И только привозные. И очень редко. Ни Армения, ни Грузия, ни Азербайджан их не производят.

— Вах! — вскричал папа. — И это я слышу на Кавказе, который издревле славился спортивными талантами!

— Спортивными талантами — да, — согласился продавец. — Но не спортивными товарами. С этим делом было туго всегда. Спортивные костюмы получаем таких ужасающих цветов и фасонов, что могут вызвать только спортивную злость. Трусы с майками — кособокие. Фабрики кивают на плохое сырье, устаревшее оборудование... А! Наверное, вы сами знаете, на что они вечно кивают! Правда, с первого января 1988 года их переведут на самофинансирование, и тогда, может, что-нибудь переменится...

Папа и Баадурчик вышли понурые на улицу. В их ушах все еще звучало: «Не найдете... Ни боксерских перчаток, ни велошин и велокамер... ни ракеток для бадминтона и тенниса... ни гимнастических обручей... теннисных столов и гантелей...»

— Ладно, — сказал отец, — не горюй. Силу будешь качать маминым утюгом, прыгалку я тебе сделаю из бельевой веревки, а эспандер — из дверной пружины. Нет таких трудностей, которые не смог бы преодолеть человек с Кавказа!

К. УБИЛАВА, А. ХУТАЕВ.

— После семинарии попрошусь
в этот приход!

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

Рисунок А. ЛИЕПИНЫША
 («Дадзис», Латвийская ССР).

КАК ПОЦЕЛОВАТЬСЯ С ТИГРОМ

Рассказ юбиляра

**Федор
Юрьевич
МАКИВЧУК**

*К 75-летию
со дня
рождения*

Табакерка вышел на трибуну нехарактерной для него решительной походкой и уж совсем нехарактерным решительным взглядом обвел ряды членов президиума. А когда его небольшие, глубоко посаженные глаза остановились на Федоре Ивановиче Рябошапке, начальнике главка, в них вспыхнули даже какие-то зловеще зеленые огоньки.

У Федора Ивановича засосало под ложечкой. Рябошапка знает диспетчера Табакерку уже три года, знает, что тот любит выступать где нужно и не нужно, знает, что в его выступлениях всегда бывает больше елзя, чем критических стрел, а вот все-таки заволновался. Обеспокоил его решительный выход Табакерки на трибуну, вселили тревогу зловещие зеленые огоньки в его глазах. Чем черт не шутит, может, и этот начнет сейчас разנסось?..

Табакерка налил стакан воды, но пить не стал, а только пригубил и начал:

— Тут правильно критиковали нашего уважаемого Федора Ивановича за недостаточное внимание к строительству детских учреждений, правильно указывали на другие недостатки, но указывали как-то с сгрядкой, тушуясь и робея. Да это и понятно. Начальство критиковать — все равно что с тигром целоваться. Но Табакерка, товарищи, не из пугливого десятка. Табакерка не побоятся поцеловаться и с тигром. В чем корень всех этих недостатков, товарищи, я вас спрашиваю? Ответу прямо: в самом Федоре Ивановиче, товарищи! Да! Да! Федор Иванович — я это ему прямо в глаза говорю — грубо нарушает, товарищи, постановления правительства о новом распорядке рабочего дня. Мы

когда с вами, товарищи, приходим на работу? В девять! А Федора Ивановича уже в восемь утра вы можете застать в его кабинете! Мы когда с вами, товарищи, едим-обедаем? С часу до двух! А Федор Иванович часто позволяет себе засиживаться и до полуночи. Мы, поужинав, развлекаемся телевизорами, а Федор Иванович работает как вол. Разве это порядок, товарищи? Нет, так надолго вас не хватит, уважаемый Федор Иванович! Не цените вы себя, не бережете, а такие кадры под ногами не валяются, это я вам прямо в глаза говорю. И пусть меня завтра выгонят «по собственному желанию», но я, товарищи, не побоюсь целоваться с тигром! Федор Иванович, да будет вам известно, товарищи, собирается завтра ехать в командировку. Видели ли вы подобное безобразия? Мы с вами будем шампанею под Новый год попивать, а он...

Но на слове «он» Табакерку оборвала реплика из зала. Кто-то громко крикнул:

— Не с того конца тигра целуешь!

Зал задрожал от громового хохота.

...Табакерка дал себе клятву никогда больше не выступать, никогда не ходить на собрания.

Вот и прекрасно! В новом году одним подхалимом станет меньше.

Перевод с украинского автора.

КОВБОЙ И КАЗАК

Честно говоря, в первый день круиза мира по Волге головы наши пошли кругом. И дело тут даже не в пьянящей чистоте речного бриза или в предвкушении предстоящих водных странствий — согласитесь, не так-то просто запомнить враз почти сто пятьдесят новых англоязычных имен, пусть даже подчеркнутых крепкими дружескими рукопожатиями. К счастью, некоторых из американских участников круиза мы уже неплохо знали: известный актер Билл Мак-Линн, многие годы исполняющий роль Марка Твена, был в числе первых американцев, встречавших делегацию советских сатириков в вашингтонском аэропорту Даллес. Он-то и заинтересовался у нас еще в Америке: почему бы Крокодилу не участвовать в круизе мира по Волге, который организует Советский комитет защиты мира? И действительно, почему? — подумали мы.

И вот нам предстояло проплыть на теплоходе «Максим Горький» от Ростова-на-Дону до Казани, участвовать в дискуссиях четырех рабочих групп, миновать десятки шлюзов, стоящих как на путях водных, так и взаимопонимания, участвовать в совместном празднике Нептуна, до хрипоты спорить, до утра брать и давать интервью (советская и американская журналистские группы были весьма представительны на борту), посетить колхозы, спеть вместе миллион песен и ответить всего на один вопрос: что можем сделать мы, каждый из нас, чтобы не было войны?..

НЕСКОЛЬКО ЛИСТКОВ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

...Рэй Стифел — преподаватель из Нью-Йорка. Он вечно почесывает седую бородку и что-то бубнит про себя, поглядывая в исписанную тетрадку. Как-то вечером подошел к нам и, глянув в нее для верности, сказал: «Как ви поживайт? Карачо? Ми очень рад!»

Народ уже давно разошелся с палубы по каютам, а мы все сидели в шезлонгах, и Рэй записывал и записывал новые русские слова. Из темноты ночи вдруг замаячил костер на берегу, наверное, рыбаки варили уху. Рэй отложил тетрадь, сказал задумчиво:

— Мои знания о Советском Союзе — словно луковица, с которой каждый день снимают по грязному лепестку. По лепестку наносной грязи... У нас в Америке очень мало знают об СССР. Мне кажется, это как раз тот случай, когда боятся того, чего не знают. Как человек, лежащий ночью на кровати и с неизъяснимым страхом вслушивающийся в неведомые звуки: вот стукнуло что-то в окно, и ему уже не просто страшно, а жутко во тьме. Но стоит включить свет, — и сразу увидишь, что это всего лишь ветка дерева, растущее

го в саду, стучится от порывов ветра в ваше окно, и нет уже никакого страха. Выходит, надо почаще включать свет...

Алиса и Говард Фризеры — руководители прогрессивной организации «За прочный мир». Они же организаторы круиза с американской стороны.

Из выступления Говарда на митинге в Ростове-на-Дону: «Мы, американцы, приехавшие к вам, очень разные — нам от десяти до восьмидесяти, и мы представляем 24 штата плюс четыре посланца Канады. Среди нас профессиональные борцы за мир, студенты и пенсионеры, рабочие, журналисты и даже полицейские. Но всех нас объединяет одно — стремление сохранить мир! Кстати, два слова о полицейских. Когда мы были в прошлом году в круизе мира по Миссисипи, советские участники подошли в Сент-Луисе к полицейскому и подарили ему значки борцов за мир и русские сувениры. Тот страшно растерялся — ему нечего было подарить на память о себе. И тогда он достал патронташ и каждому советскому отдал по патрону. По-моему, это прекрасный пример действительного разоружения...»

Руководитель советской делегации космонавт Георгий Гречко, бесспорно, и самый популярный ее участник. И не столько потому, что он человек чрезвычайно известный как в СССР, так и в США, а скорее в силу жизнерадостности и веселого нрава. Так, почти каждое свое выступление он начинает с шутки. Выйдя на трибуну сразу после сильно затянувшейся речи волгоградского священнослужителя, говорит:

— Позвольте, дамы, господа и товарищи, спустить вас теперь с небес на грешную землю. Так вот, как говорится в Америке, плохая речь должна быть краткой, а хорошая — еще короче...

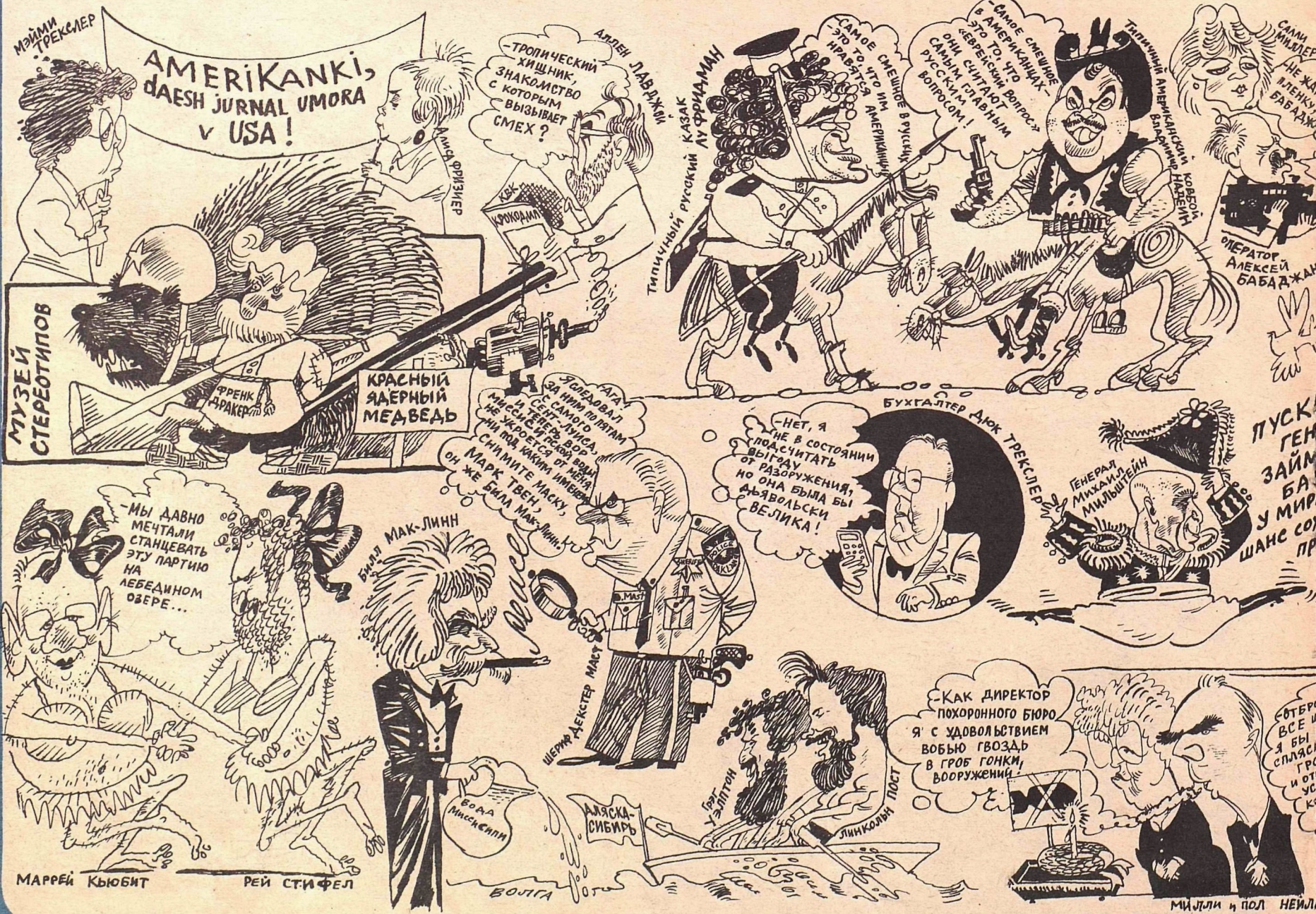
Но, конечно же, большинство поднимаемых вопросов чрезвычайно серьезные, например: «Есть ли в СССР реальная сила, противодействующая миру?» Ответ: «Позволю себе начать с вопроса: почему американские генералы во время службы придерживаются крайне реакционных взглядов, а уйдя на пенсию, становятся голубями? Вероятно, они боятся говорить, о чем думают, хотя такая свобода имеется в американской конституции. Скажу о себе. Я действующий советский космонавт, три раза был в космосе и планирую лететь в четвертый раз. И сейчас, и когда выйду на пенсию, я убежденный борец за мир, и это, по-моему, лишь

подтверждает, что в моей стране реальной силы, противодействующей миру, нет».

Большинство американцев в нашей стране впервые, и немудрено, что дело не обходится без «открытий». Пожилая американка как-то остановила нас в проходе между каютами и восхищенно воскликнула:

— Это фантастика! Я и подумать не могла, что русские умеют смеяться над собой! Во время экскурсии по городу я зашла в интуристовскую гостиницу поменять доллары на рубли. Работник отеля на мой вопрос, где это можно сделать, ответил: «Пойдете направо и налево, затем дело ослложнится. Почему? Потому что для обмена валюты на рубли необходимы некоторые условия: чтобы кассирша не разговаривала по телефону, чтобы у нее работал кассовый аппарат, чтоб не было обеденного перерыва, чтоб ее не вызвали к директору или на производственное собрание и, наконец, чтобы в кассе были хоть какие-то деньги...»

Сегодня произошло неожиданное. Патрик Кой, католический священник и преподаватель теологии в Сент-Луиском университете, провел на корабле сеанс медитации. Атеисты допускались. И вот мы сидим в кают-компании среди паствы и с любопытством взираем на происходящее. Кстати, Патрик из бывших хиппи и на священника внешне похож едва ли: сеанс он проводит в джинсовых шортах и майке, вот если только голос — мягкий, убаюкивающий. И так, сеанс медитации начинается.

„Грози, что созиждено твое!“

(К 170-летию
со дня рождения
А. К. Толстого)

8 января 1851 года на сцене Александринского театра в Петербурге состоялась премьера водевиля «Фантазия». Аристократическая публика и сам император Николай I, почтивший спектакль своим «высочайшим» присутствием, были немало удивлены и шокированы тем, что увидели в этот вечер на сцене.

Сюжет водевиля был незамысловат. К симпатичной и благовопитанной девице Лизаньке сватались шесть женихов разом — кто сгорая от любви, а кто в расчете на богатое приданое. Лизанька выросла в доме взбалмошной и сумасбродной старухи Чуপুরлиной, любившей вовсе не свою воспитанницу, а... москву Фантазию, по имени которой и был назван водевиль. И сама Лизанька, и ее «благодетельница» выделялись из числа женихов умильного и угодливого Либенталля, который в отличие от соперников предусмотрительно был нежен и ласков не только с девушкой, но и с москвой.

Внезапно Фантазия пропадает, и безутешная старуха обещает руку Лизаньки тому, кто отыщет ее сокровище. Женихи приводят собак разных пород — от огромного дога до крохотной собачки — и наперебой уверяют Чуপুরлину, что это и есть ее москья. Только один Либенталь приносит пропавшую Фантазию и получает руку Лизаньки и благословение ее «благодетельницы». Водевиль «Фантазия» представлял собой злую насмешку над ужесточением театрального репертуара того времени. Это была ядовитая и меткая пародия на шедшие по сценам пустые и бессодержательные комедии, персонажи которых, успешно преодолевая всевозможные препятствия, неуклонно продвигались к счастливому концу, к удовольствию невзыскательной публики.

Сочиняя свои опыты по готовым шаблонам, водевилисты неизменно награждали своих героев именами, по которым можно было судить о характере персонажей. В водевиле «Фантазия» все было наоборот. Застенчивый и скромный герой имел фамилию Беспардонный, а бесцеремонный и нахальный — Миловидов. Господин с фамилией бесшабашного гуляки Кутило-Завалдайский оказывался человеком целомудренным и стыдливым, а аристократ князь Бато-Батыев — торговцем мылом, усиленно расхваливающим свой товар.

Убийственную иронию не поняли ни цензура, разрешившая постановку «Фантазии» на императорской сцене, ни театральная дирекция, ни аристократическая публика. Эффект мистификации превзошел все ожидания авторов пародии. Когда на сцене с лаем начали бегать собаки (они также значились в списке действующих лиц пьесы, правда, с ремаркой «без речей»), разгневанный Николай I покинул театр. По высочайшему повелению «Фантазия» была незамедлительно запрещена.

Водевиль-пародией в литературу вошел Козьма Прутков, созданный фантазией Алексея Константиновича Толстого и братьев Жемчужниковых. Это был самолюбленный, ограниченный, невежественный и на редкость тупой чиновник, возомнивший себя гениальным писателем, которому подвластны все жанры без исключения. Не имея поэтического таланта, он сочиняет стихи, не будучи драматургом, пишет пьесы, будучи очень ограниченным, дает «советы мудрости» другим и даже, не понимая государственных задач, создает проекты управления государством.

Таким был задуман Козьма Прутков. Но, как это порой бывает с литературными героями, он получился более сложным и многообразным, чем замыслился. Созданный фантазией талантливых сатириков, Козьма Прутков незаметно для них самих перенял остроумие и меткость суждений своих создателей, — недаром многие его афоризмы сделались крылатыми.

Наибольший вклад в «творчество» Козьмы Пруткова внес Алексей Константинович Толстой. Блистательный сатирик и юморист, мастерски владевший оружием иронии и сарказма, он прекрасно сознавал нелепость и уродливость современной ему действительности. Оди-

наково ненавидевший как статскую, так и военную службу, прельщавшуюся вдохновению, вовсе не стремившийся к карьере, он много лет по настоянию высокопоставленных родных вынужден был служить.

*Исполнен вечным идеалом,
Я не служить рожден, а петь!
Не дай мне, Феб, быть генералом,
Не дай безвинно поглупеть! —*

с горькой иронией писал Толстой.

В противовес его создателю в Козьме Пруткове причудливо уживается бесталанный «служитель муз» с исполнителем чиновником, путем прилежания и усердия дослужившийся до генеральского чина. Много лет мечтал он об орденской звезде, и наконец звезда была им получена. Это событие «вдохновило» Пруткова на создание басни «Звезда и брюхо», в которой Толстой высмеял карьеризм, чиновничество и звездоманию. Не оставил он без внимания и военную службу с ее фрунтацией и шагистикой, «поэзией носка» — этому посвящена поэма Козьмы Пруткова «Церемониал погребения тела в бозе усопшего поручика и кавалера Фаддея Козьмича П...». Современники склонны были видеть в ней пародию на церемониал погребения Николая I — ведь только к высочайшим особам применимо выпренное выражение «в бозе усопший!»

Острая неприязнь к высшим сферам бюрократии вдохновила Толстого на создание одной из самых блистательных сатир русской литературы — поэмы «Сон Попова»:

*Приснился раз, бог весть с какой причины,
Советнику Попову странный сон:
Поздравить он министра в именины
В приемный зал вошел без панталон.*

В либеральном министре, любителе пространных тирад, полных банальных фраз и прописных истин, могли узнать себя многие современные Толстому высокопоставленные сановники. Стоило министру увидеть, что один из подчиненных явился поздравить его... без брюк, как он сразу же сменил милость на гнев, и на бедного чиновника обрушился оглушительный каскад грозных и нелепых обвинений. Попов был обвинен в заговоре против государства, в намерениях подорвать нравственные устои и даже... «собой бюджет представить на Руси!» Министр приказывает под конвоем отправить «ниспровергателя основ» в тайную полицию с тем, чтобы там из него **выбили** признание вины и раскаяние в содеянном:

*— Советник Тит Евсеев сын Попов
Все ниспровергнуть власти был готов...
Я жертвую агентам по две гривны,
Чтобы его — но скрашиваю речь —
Чтоб мысли там внушить ему иные!*

Полон сарказма рассказ о пребывании Попова во всесильном Третьем отделении (Толстой едва ли не первым в русской литературе заговорил о существовании этого зловещего учреждения). Пропливая поток слез о «заблудшей душе» Попова, жандармский полковник призывает «злоумышленника» облегчить свою вину и... назвать имена других участников заговора. Тщетно клянется Попов, что у него нет сообщников и никакого заговора не существует. Увещевания быстро переходят в недвусмысленные угрозы расправы над «преступником». До смерти перепуганный чиновник строчит донос, в котором указывает десятки имен своих знакомых, якобы толкнувших его на преступление, и... просыпается.

Огромной популярностью пользовалась другая сатирическая поэма Толстого — «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева». Официальная история России была в то время историей царей и их «деяний», изложенной высокопарным стилем. Все это и высмеял Толстой. Главная мысль его сатиры отразилась в предпосланном ей эпиграфе — суждении летопис-

ца Нестора о том, что земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет.

Эта мысль многократно повторяется в поэме, завершая характеристику того или иного царствования. Сменяются на русском престоле великие князья, цари, императоры и императрицы, но порядка на Руси по-прежнему нет. Однако сатира высмеивает не только приукрашивание и лакировку прошлого, она нацелена в современную Толстому действительность. Доведя рассказ до восстания декабристов и царствования Николая I, автор замечает:

*Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.*

Сатирическую галерею «героев» поэмы завершает появление водворителя долгожданного порядка на Руси — министра внутренних дел Тимашева. Бывший начальник Третьего отделения (и будущий шеф жандармов), он якобы сумел осуществить наконец то, что не было достигнуто за десять столетий русской истории. Злой насмешкой звучат слова о водворении Тимашевым «порядка» в атмосфере наступавшей реакции и жандармского произвола.

В другого видного сановника того времени — барона Велю, сменившего должность директора департамента полиции и возглавившего почтовый департамент, ухитрившегося получить множество наград, но не сумевшего наладить работу почты и телеграфа, метила сатира Толстого «Отрывок» («Разных лент схватил он радуго...»), красочно изображающая творящийся в заштатном городке переполох, вызванный тем, что

*Телеграфною депешею
Городничий извещен,
Что идет колонной пешею
На него Наполеон.*

...Современники нередко называли Алексея Константиновича поэт-богатырь, имея в виду не только его внешность и физическую силу, позволявшую винтом сворачивать кочергу, но и внутренние качества: смелость и остроту ума, самоотверженность и благородство стремлений, откровенность суждений и поэтическую силу. Сатирические стрелы Толстого, направленные в реакционеров всех рангов, вплоть до самых высших, были очень меткими — недаром эти сатиры смогли увидеть свет только много лет спустя после смерти их автора.

Реакционеры платили поэту откровенной ненавистью. По настоянию Тимашева была запрещена постановка исторической трагедии Толстого «Царь Федор Иоаннович» как порочащей особу «венценосца» и колеблющей основы самодержавия. О другой его трагедии — «Смерть Иоанна Грозного», имевшей большой успех у зрителей, петербургский обер-полицеймейстер говорил, что это «пьеса крамольная, направленная на поругание власти и на то, чтобы научить народ строить баррикады». Письма Алексея Константиновича на почте вскрывались и просматривались, разумеется, не без ведома барона Велю.

Поэт-богатырь, слово которого «кипело и животрепело», стремился пробудить людей от мертвого сна современной ему действительности, подвигнуть их к активной деятельности:

*Раздайся ж, воскресная песня моя,
Как солнце, взойди над землею!
Расторгни убийственный сон бытия
И, свет лучезарный повсюду лия,
Гром, что созиждено тьмою!*

Вступил на заре юности в **отчизну пламени и слова**, обладавший поистине многогранным талантом, Алексей Константинович Толстой сохранил верность ей до конца жизни.

Алексей КОПЧЕВ.

НЕОЖИДАННОСТЬ ЭПИГРАММЫ

Эпиграмма — не только насмешка. У нее богатый спектр. Она может быть и злой, и лиричной. Вспомним книгу С. Я. Маршака «Лирические эпиграммы».

В издательстве «Советский писатель» вышел в прошлом году сборник Александра Рейжевского «Из запасных книжек. Эпиграммы и миниатюры разных лет».

Мы находим здесь микроюморески самой различной тональности — от прямого критического выпада до лирического признания.

Вот, например, эпиграмма на С. С. Смирнова:

Ему бы звание такое:
Герой Советского героя!

Это даже не эпиграмма НА С. С. Смирнова, а скорее, ЗА С. С. Смирнова.

Или эпиграмма, посвященная А. А. Суркову:

Был привал на полустанке,
Много времени прошло,
Но печурка в той землянке
До сих пор хранит тепло.

Есть тут и эпиграммы — дружеские шаржи. Например, на Ивана Ефремова:

Писатель к тайнам мирозданий
Летит на звездном корабле
И только для переизданий
Порой бывает на земле.

Другие эпиграммы более ироничны. Евгений Евтушенко шепчет про себя:

Пускай нам ОБЩИМ памятником будет
Мой ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ пьедестал.

Наполеон на острове Святой Елены познакомился с кинофильмом С. Бондарчука «Ватерлоо»:

Посмотрел картину пленник
И сказал, глотнув слюву:
— Дали мне бы столько денег,
Я бы выиграл войну!

Ряд эпиграмм адресован не определенным лицам, а разным типовым персонажам. Это «засекретарившийся» литератор («Был поэт первостатейный, стал поэт... многостатейный»), мнимый храбрец («Прыгай смело в глубину! Если море по колено»), неизлечимый взяточник («Он взятки никогда не брал, когда ему их не давали»).

Часто Рейжевский пользуется каламбуром. В эпиграмме на Друнину он признается, что не смеет «поддуривать» над него. О Владимире Цыбине пишет:

Слова такие выискать умеет —
Любой прочтет и враз оЦЫБИНеет.

Однако порой игра слов выглядит натянутой. В эпиграмме на Романа Кармена: «Бурный РОМАН Кармен с кино, оформленный документально». Или драматургу-демагогу:

Сбѣит в общих интересах
Драматургу намекнуть,
Что биенье жизни в песках
Поважней биенья в груди.

Здесь вся словесная игра, в сущности, сводится к повторению слова «биенье». Нет внезапного поворота в развитии темы.

Хорошая эпиграмма — всегда неожиданность. Вспомним строки из «Евгения Онегина». Герой романа в стихах умел

Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

«Нежданность» отличает лучшие эпиграммы сборника. В других случаях концовка воспринимается как нечто предощущаемое.

Эпиграмма — предпоследняя степень краткости. Короче ее только афоризм, состоящий из одной фразы.

Вот двустишие, адресованное Александру Жарову:

Он говорит с рассвета до заката
Шершавым языком агитплаката.

Здесь двойной смысл: Жаров долгие годы занимался агитплакатом. И самый стиль его стал «шершавым», «агитплакатным».

Александр Рейжевский — не новичок в сатирической литературе. С его именем связаны сборники: «Действующие лица», «Писатели на вернисаже», «В дружеском ключе», «...о двух концах».

За его спиной — фронтовые дороги, работа в московских театрах. Мир искусства известен ему не из вторых рук.

За долгие годы в его «запасных книжках» накопилось много интересного. Мы видели, что не все в сборнике равноценно. Нам хотелось сказать прежде всего о том, что удалось.

С текстом эпиграмм хорошо взаимодействуют шаржи Наума Лисогорского.

3. ПАПЕРНЫЙ.

Сергей САТИН

ДОМ В РАЗРЕЗЕ

Дом, в котором мы живем, —
Заурядный, скромный дом.

Но пятьсот его квартир
Составляют целый мир.
Обитают в этом мире
Девяносто пять собак,
Кошек семьдесят четыре
И один ручной сайгак.
На шестнадцать этажей —
Семь ежей и семь ужей,
Канареек три десятка,
Филин, ласточка-касатка;
Попугаев всех пород
Душ пятнадцать здесь живет.
Чтобы не было ошибок,
Упомянем также рыбок,
Черепаш, бурундуков,
Белок, свинок, хомячков,
И лягушек, и мартышек,
Белых крыс и белых мышек...
Говорят, что даже есть
Слон в квартире номер шесть.
Говорят, что даже крот
В бочке с фикусом живет...
Дом мяукает и лает,
Дом щебечет и поет.
Дом и сам уже не знает
Всех зверей, кто в нем живет.
Дом ничем не удивишь,
Кашалотом разве лишь.
В зоопарк мы не пойдём:
Нам занятней зоодом —
Дом, в котором мы живем!

Евгений УШАН

ЕГОР И ЗАБОР

Решил Егор построить дом,
Но начал дом с ограды он.
Чтоб камень у Егора
Не растащили воры.
Трудились день и ночь Егор,
И наконец готов забор —
Не помешают воры
Построить дом Егору.
Но не построил дом Егор —
Ушел весь камень на забор.

УРОК ХОДЬБЫ

Рачонок сделал первый шаг...
Учил прилежно папа Рак:
— Смотри, как ходит весь наш род:
Назад — считается вперед,
Вперед — по-нашему назад...
Рачонок выпучил глаза
И ничего не разберет:
Зачем назад? Куда вперед?!
Не просто сделать первый шаг,
Особенно когда ты рак!

г. Одесса.

ТОТОШИ И КОКОШИ

Василий БИРЮКОВ РЕБЯТА И ЗВЕРЯТА

ЧЕРЕПАХА

Увидев черепаху,
Просит Надя:
— Снимите крышку,
Я хочу ее погладить.

КОТ

У нас живет
Дремучий кот:
Все время дремлет
Без забот.

г. Рязань.

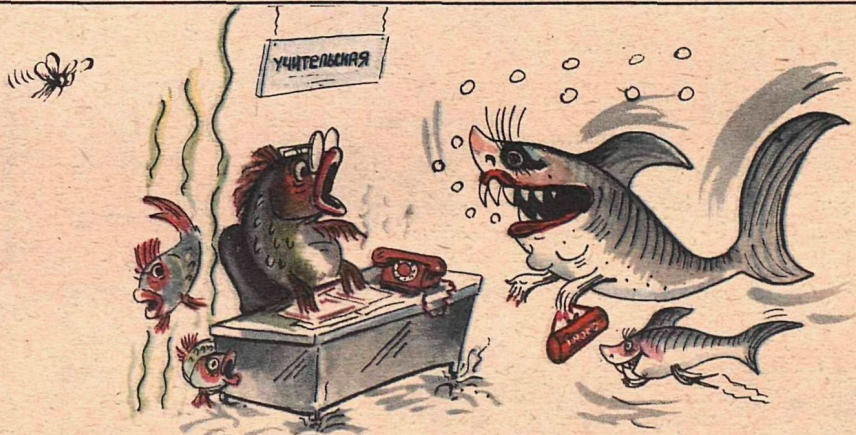
Александр ЖУКОВ ИСТИННАЯ ИСТОРИЯ

Послушайте! Не так давно,
лет пять тому или шесть,
я свесил ноги за окно
и начал сливы есть.
И вышло так. Моя вина,
что, выскользнув из рук,
от сливы косточка одна
упала вниз. И вдруг
дала зеленый стебелек,
и он так быстро рос,
что в необыкновенный срок
достиг ближайших звезд.
Тогда я поглядеть решил:
куда же он растет?
И вверх по веткам поспешил
и ровно через год
достиг вершины и хотел
взять звездочку одну,
но вдруг, сорвавшись, полетел,
чуть не задев луну.
Два года падал я с небес —
веселье дела! —
Пока я вверх по сливе лез,
она со мной росла!
И вот земля!
Но, как назло,
я не на землю сел,
сел самолету на крыло
на взлетной полосе.
И он туда меня умчал,
где ночи вовсе нет.
Домой с рассветом я шагал
не менее трех лет.
Три долгих года я не спал,
спешил домой скорее!
И что ж я дома увидал?
Что сливы нет моей.
Сказал сосед, потупив взгляд
(а он не мог соврать!):
— Ее спилили год назад,
чтоб урожай собрать...

Выходит, мой рассказ — не вздор,
не выдумка моя.
А я-то думал до сих пор,
что все придумал я...

Рисунок Л. СТОРОЖУКА, г. Харьков.

— Нас вызывали?

Рисунок Р. ДРУКМАН.

Моему сыну Роме 6 лет. Собрав друзей-ровесников
в своем домашнем зооуголке, он показывает им попу-
гаев. Друзья спрашивают:
— А почему попугайка белая, а попугай синий?
Рома сразу нашелся:
— Белая — потому что невеста. Выйдет замуж —
посинеет.

Прислал А. КОНОВАЛОВ, г. Донецк.

Спрашиваю четырехлетнего сына Тимура:
— У вас в садике рыбки есть?
— Есть.
— А кто их кормит?
— Они уже привыкли, их никто не кормит...

Прислал З. АХМЕТОВ, Москва.

Четырехлетней Ире очень понравились пришедшие
к родителям гости. Когда настает время прощаться,
она, набиваясь в провожатые, спрашивает:
— Мама, можно я их только с лесенки спущу?

Прислал Б. КРЕХОВ, г. Орехово-Зуево.

Однажды отец с трехлетним сыном Сережей шел
по берегу реки. Дул ветер, и на берег набегали волны.
Сережа воскликнул:
— Папа, смотри, река на гармошке играет!

Прислал А. КОРДИКОВ, Гомельская область.

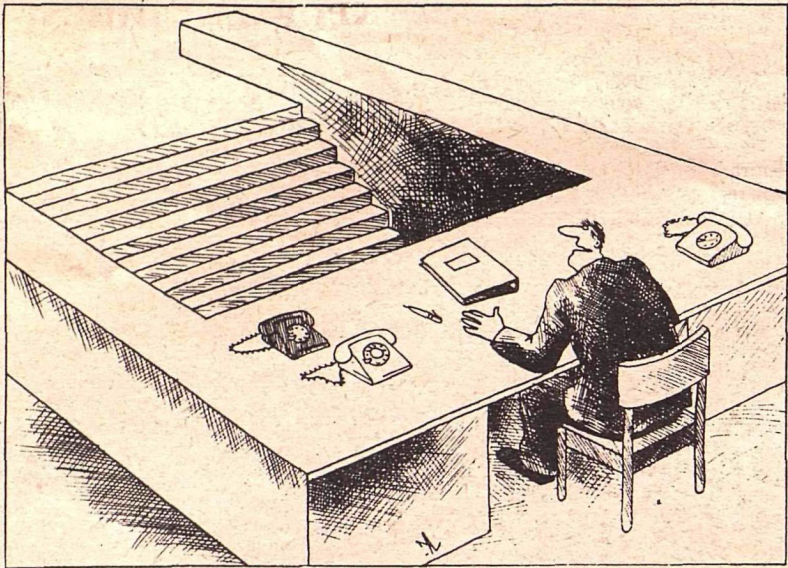
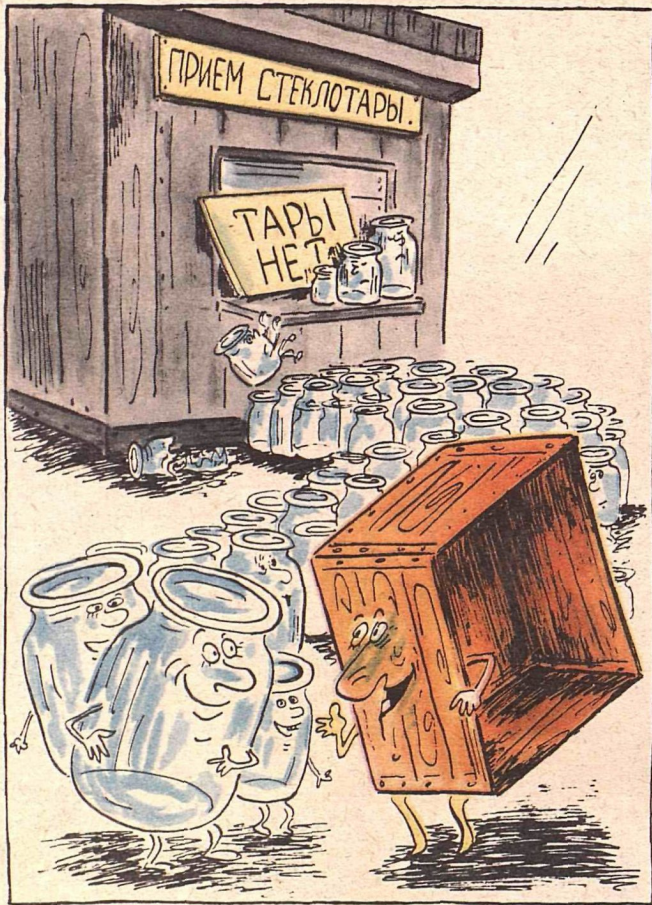

Рисунок А. ГУРСКОГО («Вожык», Белорусская ССР).

— Могут
четверых
посадить
к себе...

Рисунок
Р. ДРУКМАН.

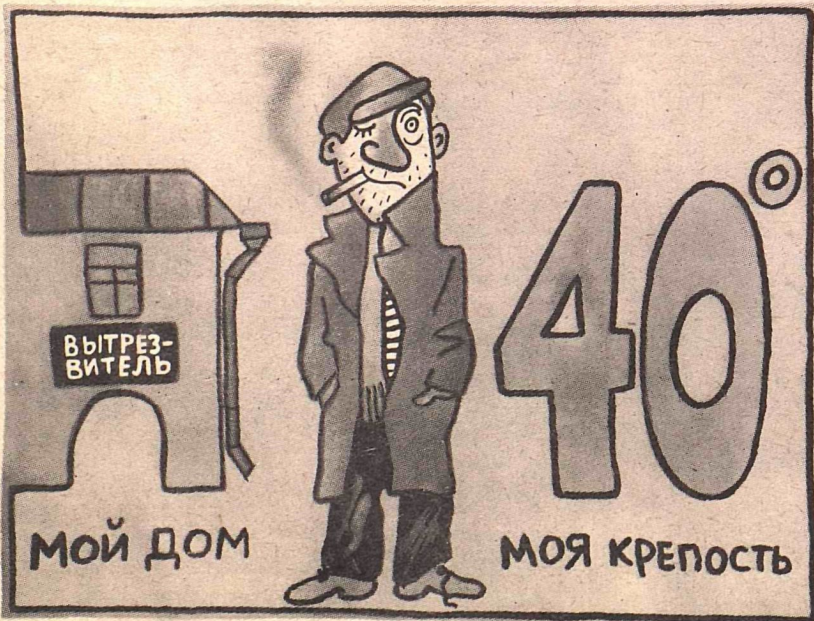

Рисунок Г. КОВЕНЧУКА, г. Ленинград.

Прозаик Ердьинский, автор двадцати семи сборников, прозванный за необычайную гибкость и знание литературной жизни кардиналом Ришелье, в помещении областной писательской организации отмечал свое шестидесятилетие.

Торжества начались в четыре часа дня, сейчас было уже начало восьмого, за окном сгустились сумерки, в свете уличных фонарей видно было, как по ветру косо падает мокрый снег, первый снег после октябрьских дождей, а в просторном кабинете ответственного секретаря, где проводили собрания и прочие мероприятия, было тепло и уютно, и никуда не хотелось отсюда уходить.

Посредине кабинета, чтобы можно было свободно обходить их, прямо под люстрой сдвинутые торцами, стояли три стола, четвертый был приставлен сбоку, на столах — поздние в вазах цветы, несколько пустых и несколько нераспечатанных бутылок шампанского, яблоки в тарелках, печенье.

Приглашенные давно разошлись, а в кабинете, за крайним к окну столом, друг против друга сидели всего два человека — ответственный секретарь Факеев и юбиляр. Оба молчали. Секретарь, рифмуя мысленно «снег» и «бег», отогнув край шторы, смотрел на улицу, как тяжелый, липкий снег покрывает мостовую, а Ердьинский, подперев левой рукой мягкую щеку, склонив голову, курил длинную папиросу «Герцеговина флор», и рука его с папиросой, когда он стряхивал в пепельницу пепел, отражалась в высоком, узком фужере, наполовину наполненном шампанским.

Это был высокий дородный мужчина, в коричневом с искрой костюме, галстуке в полоску. Розовый покатый лоб его, переходя в розовую лысину, был чист и гладок, розовыми и гладкими были щеки. И изящные в тонкой золотой оправе очки, и три нижних золотых зуба бросали на лицо его дополнительный отсвет, придавая лицу некоторую томность.

Ердьинскому хотелось, хотя он уже выступал перед гостями, сказать нечто значительное, соответственно событию, чтобы отгнать хотя бы сбить неловкость, в которой он пребывал, но нужных слов не находилось. Неловкость эта заключалась в том, что из всех приглашенных пришло всего двенадцать человек, — это огорчило и обидело юбиляра. А секретарю говорить не хотелось. Сутульги, болшеносый, с черными, свисающими на лоб волосами, он уже произнес все необходимые в таких случаях слова и теперь ожидал ухода юбиляра, чтобы закрыть дверь и уйти домой.

— Ты чем намерен заниматься в ближайшее время? — опустив шторм, повернулся к Ердьинскому секретарь и сделал глоток из фужера.

— Закончу роман, а потом примусь за воспоминания.

— О чем роман?

— Всего понемногу. Производственные моменты. Современность.

— Это хорошо, что современность. Большой?

— Страниц около семисот, а может, и...

— Давно начал?

— В январе.

— И сколько осталось?

— Думаю, к концу года закончу.

— А воспоминания?

— Они будут носить мемуарный характер. О том, как начинал. О товарищах по перу. А ты чем занят?

— Хочу поэму написать о нефтяниках. Поеду на север области, на новое месторождение, проживу недели две-три.

— Когда собираешься?

— На днях. Что у нас сегодня, пятница? В понедельник поеду.

— Холодно там уже. Зима. Сидел бы зиму в городе, писал лирику.

— Понимаешь, лирика мне труднее дается. Гораздо свободнее себя чувствую в коротких поэмах.

— Ну что ж... — Ердьинский отставил пустой фужер.

— Пойдем, — поднялся секретарь. — Ты это заberi. — Он указал на шампанское, яблоки.

— Неудобно как-то. — Ердьинский смотрел на бутылки.

— Почему неудобно? — Секретарь застегивал пиджак. — Для тебя покупали. Яблоки за выходные испортятся, а шампанское... Никаких событий в ближайшее время у нас не намечается.

— Как ты думаешь, где сейчас Камышов? — спросил Ердьинский, складывая в портфель плащ и бутылки, а на них яблоки и печенье.

— На Шегарке своей, наверное. Где же ему еще быть?

— Что он делает там в такую погоду?

ВАСИЛИЙ АФОНИН

РАССКАЗ

— Сидит в какой-нибудь избе, пишет.

— Да-а... А вот у нас с тобой нет своей Шегарки, — вдруг с неожиданно прорезавшейся тоской сказал Ердьинский.

— У нас есть другое. Ну что, уходим?

— Да.

Спустившись, они подали друг другу руки, кивнули и молча разошлись. Секретарь направился к автобусной остановке, а Ердьинский, подняв воротник пальто, оглянувшись в обе стороны, нет ли встречного транспорта, наискосую пересек улицу, по переулку выбрался на набережную и медленно пошел домой, держа в левой руке тяжелый портфель. Снег все так же густо валил, ветер дул из-за реки, от еловых лесов, река едва просматривалась сквозь падающие снежинки, темная вода ее даже на вид была холодна.

Глядя на реку, Ердьинский вспомнил, как давным-давно, более тридцати лет назад, далеко от города в низовье реки работал он учителем в деревне, расположенной на возвышенном лесистом правом берегу. Весной, когда цвела черемуха, а осенью в пору листопада в свободное время уходил он за деревню, садился где-нибудь на берегу спиной к березе и подолгу сидел так. Боже мой, тридцать с лишним лет назад...

В подъезде своего дома Ердьинский опустил портфель, стряхнул с него снег, стряхнул снег со шляпы, с пальто, поднялся на третий этаж и позвонил. Ему открыла дочь-студентка, жена была на кухне.

— Папа, а мы тебя ждем, — сказала дочь, целуя отца в мокрую щеку. — Ну как, папа?

— Все хорошо, Ляля. — Ердьинский раздевался.

— А где же цветы?

— А-а, — улыбнулся Ердьинский, — цветы остались там. Да я бы их и не донес. Смотри, какой снег, света белого не видно.

— Мама, папа пришел! — крикнула дочь, повернувшись к кухне.

— Слышу! — откликнулась жена. — Мойте руки — и в столовую. Все готово.

Вытерев руки, поправив перед зеркалом в ванной галстук, пригладив на

затылке и за ушами некогда каштановые, а теперь пегие волосы, Ердынский шагнул в столовую, где стол был уже накрыт, а дочь сидела на своем обычном месте.

— Ну как торжества? — спрашивала жена, еще более дородная, чем Ердынский, иронически поглядывая на него поверх опущенных на средину вислого носа очков. Такая у нее была привычка: носить очки, но обходиться без них, глядя поверх стекол. — Читателей-почитателей, небось, полным-полно, а?!

— Был народ, — подтвердил Ердынский. Он не любил эту манеру разговора жены. Никогда не поймешь, что она говорит шутливо, а что всерьез. — Были и читатели, и почитатели.

— И что же преподнесли тебе собратья?

— Трехтомник Бунина, подарочное издание.

как-то сразу почувствовал, что ему действительно шестьдесят лет и что он невыносимо устал, устал за долгие и такие напряженные тридцать пять лет занятий литературой.

Долгими эти годы были сами по себе, для кого-то там, а не для Ердынского, долгими они ему не казались, он и время-то не по календарю следил — по книгам изданным, а они у него издавались часто. И усталость была не от работы за письменным столом, писал он свободно, сколько хотел написать за день страниц, столько и писалось, усталость была от другого — от так называемой литературной жизни, от умения вести себя в литературной среде, держаться соответствующим образом, и такого высокого умения никто в областной писательской организации, как Ердынский, не достиг.

Горечь и растерянность овладели Ердынским не оттого вовсе, хотя

немного отступать, говоря, что его литературное поколение не было таким напористым.

Сидя на диване, Ердынский размышлял о том, что ответственный секретарь, его, Ердынского, ставленник, не оправдывает себя, не смог как следует организовать юбилей. Еще долго до знаменательного дня Ердынский представлял, как дадут ему авторский вечер в областном драматическом театре, скажем, на вечер сойдется «весь город», и он произнесет блестящую речь, а собравшиеся стоя покروют ее долгим громом аплодисментов. Потом человек тридцать избранных, и среди них Камышов, пойдут в ресторан на банкет, и будут тосты, речи, поздравления. Он снова скажет речь, столь же блестящую, но уже более короткую.

Но с авторским вечером ничего не получилось — как-то не в традициях организации было устраивать подобные вечера. Никто не знал, с чего начинать, хотя Ердынский предлагал заказать и расклеить по городу афиши. Ресторан тоже отпал, решили собраться у себя. Из двадцати пяти приглашенных пришло двенадцать человек, секретарь тринадцатый. Не было и Камышова. Месяц назад Камышов уехал на Шегарку. Будь Камышов в городе, еще неизвестно, принял бы он приглашение или нет. Допустим, принял бы и сказал бы своим глуховатым протяжным голосом что-нибудь хорошее о Ердынском-писателе. Либо молчал по своему обыкновению, но уже от одного присутствия его Ердынскому было бы спокойнее. Нет, лучше было бы, если бы он все-таки сказал что-то.

Камышов прочел все книги Ердынского, и одна повесть ему нравилась. Правда, Камышов говорил всегда с улыбкой о повести, потому как повесть была написана под явным воздействием его, Камышова, прозы. Прямых заимствований не было, но внимательный читатель отличал сразу тон, манеру Камышова. При упоминании о повести Камышовым, при разговоре с ним Ердынский всякий раз слегка смущался и краснел, но поскольку лоб и щеки у него были розовыми, то мало кто замечал смущение. Кажется, и сам Камышов не замечал...

Досмотрев десятую серию, жена выключила телевизор, заглянула к дочери — та читала лежа, заглянула к мужу узнать, чем он занят.

— Чем это ты здесь занимаешься? — спросила жена, входя в кабинет.

— Да вот сижу, думаю, — нехотя ответил Ердынский, не ожидавший появления жены. Он закурил новую папиросу «Герцеговина флор».

— И о чем же, интересно знать, думы твои? — Жена села в кресло.

— О разном. Шестьдесят лет — не шуточки. Старость наваливается.

— Ну-у, до старости еще далеко. Что это у тебя тут на столе? Рукопись! Никак, новый роман затеял?!

— Роман, а что? — Ердынский встал, чтобы убрать рукопись.

— Не бойся, читать не стану, — повернулась вместе с креслом к нему жена. — Я книг-то твоих не читаю, а то рукопись. Бросил бы ты всю эту писанину, мой тебе совет.

— Как это — бросил?! — Ердынский выпрямил спину. — Литература — мое призвание, профессия. Я издал двадцать семь книг!

— Ты издашь их еще десять, и будет тридцать семь, но ничего ровным счетом не изменится, поверь.

— И чем же я, по-твоему, должен заниматься?

— А ничем. Ты пенсионер, вышел на пенсию. Деньги есть. Передохни. Уступи место другим. Таким, как Камышов.

КРОКОДИЛКИ

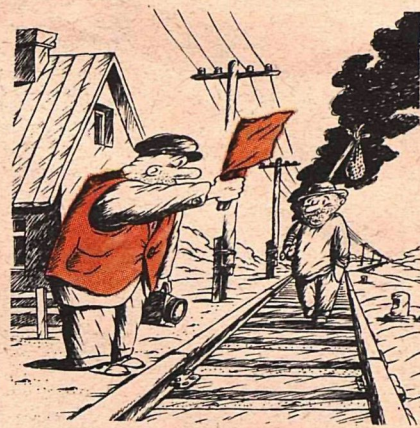

Рисунок Ю. КОСОБУКИНА, г. Киев.

Рисунок В. ЯКОВЛЕВА.

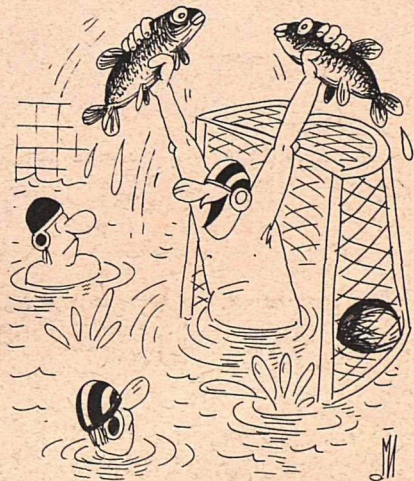

Рисунок Е. МИЛУТКИ.

Рисунок Е. СНЕЖКО, г. Ярославль.

САВРАБОДИ

— У тебя ведь есть такой.

— Ну так что. Не отказываться же...

— Папа, — попросила дочь, — отдай мне твой трехтомник для моей библиотеки.

— Возьми, — согласился Ердынский.

— Орден не дали тебе? — поинтересовалась жена.

— Нет, ордена не дали. Дали почетную грамоту областного значения.

— Ну что ж, и это награда. Ляля, давай еще раз поздравим папу. Подарки наши он получил. Поздравляю, — сказала жена, приподнялась и, не снимая очков, потянулась через стол к мужу, поцеловала его.

— Спасибо, — поблагодарил Ердынский жену и дочь.

— Речь ответную держал? — Жена все так же уместливо поглядывала на мужа, хрустевшего маринованным огурчиком.

— Как же... пришлось...

— Под аплодисменты, конечно.

— Как всегда, знаешь ведь...

— Ты у нас златоуст, папа. — Дочь влюбленно смотрела на отца.

— Златоуст, златоуст, — покивала жена, отодвигая тарелку. — Когда выступал в моей школе, так всех дам заворожил красноречием своим. Пел, как сирена. До сих пор вспоминают.

— Ну уж, вспоминают, — Ердынский промокнул салфеткой полные губы. — Ляля, можно чаю?

— Наливаю, папочка, — вскинула дочь.

После ужина, убрав посуду, дочь стала мыть ее, жена включила телевизор, чтобы посмотреть десятую серию восемнадцатисерийного польского фильма «Ставка больше, чем жизнь», а Ердынский ушел в свою комнату, которая служила ему и рабочим кабинетом, сел на диван и закурил. Окно выходило в тихий переулочек, возле окна стоял широкий письменный стол, на нем — рукопись нового романа, подле стола — глубокое, удобное кресло, возле одной стены — диван, возле противоположной — во всю длину стены — от пола до потолка книжные полки. Рядом с диваном журнальный столик, на нем пепельница.

Оставшись один, откинувшись на мягкую спинку дивана, Ердынский

и это имело немаловажное значение, что вот шестьдесят лет, пенсия, близится старость, а с нею и конец. Нет, горечь была от ясного сознания того, что не было и не будет у него в литературе имени, не было никогда и не будет признания, и сегодняшний юбилейный вечер — лишнее подтверждение тому. Признание, которого он ожидал с выпуском первой своей книжки.

Вот они стоят. Верхний ряд — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Герцен, Достоевский, Тургенев, Толстой, Аксаков, Чехов, Бунин... А после Бунина его, Ердынского, книги. Двадцать семь книг. Они должны были принести автору своему широкую известность. Не принесли.

Последние десять лет со дня отмеченного пятидесятилетия кое-кто еще надеялся на Ердынского, а более всего надеялся он сам на себя, но книги, выпущенные за эти годы, по двадцати пяти печатных листов каждая, будто канули в бездну, не оказав никакого воздействия на читателя. Рухнули все надежды, а вслед за этим неожиданно пришло четкое и абсолютно трезвое осмысление себя как писателя.

Шестьдесят лет есть шестьдесят лет, от этого никуда не деться. Но ведь еще не семьдесят, дряхлости пока нет. Дряхлости тела. С другой что-то стало твориться неладное.

Выйдя на пенсию, он останется членом творческого союза, членом писательской организации, будет по-прежнему оказывать влияние на жизнь организации, на работу издательства: вон роман еще лежит на столе, надобно дописывать его, а в издательские планы он уже внесен и будет издан в самое ближайшее время. Правда, Ердынский вынужден был признать себе, что влияние его стало заметно ослабевать, и не потому вовсе, что в городе поселился Камышов, причина была и в другом: организация год от года увеличивалась, откуда-то, чуть ли не с улицы, являлись горластые молодые люди, называющие себя поэтами, приносили и в издательство, и в организацию рукописи, требовали издания книг, требовали квартиры, всяческого внимания к себе, и Ердынский начал по-

Окончание следует.

Марк ЗАХАРОВ

Давно с Захаровым знакомы
Мы по Сатире и Ленкому.
Обидно только, что Ленком
Пока с сатирой не знаком!
А СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.
Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

«Сигнал»

Мусоропровод систематически забивается жильцами общежития. Так 24.10.86 г. он был забит жильцами 9-го этажа. Такое положение крайне недопустимо.

Администрация общежития.
Прислал В. Пинчук, г. Светлогорск.

(Ценник)
Прислал А. Устинов,
г. Харьков.

40 штук АРТ. 011/674—У
КРЕМ
Ольга для рук
ПАРФЮМЕРНО-КОСМЕТИЧЕСКАЯ
ФАБРИКА
г. ХАРЬКОВ
ОСТ 18—21—81 Цена 1 шт. 60 коп.

(Этикетка крема).
Прислала О. Маргоева, Кировский район
Северо-Осетинской АССР.

«Киоск закрыт, киоскер заболел до 14 часов».
Прислал А. Паньков, г. Махачкала.

«Объявление
Туалет будет закрыт до тех пор, пока все жильцы общежития не соберутся в красном уголке в 18.00. Явка всем обязательна.

Командант».
Прислал И. Ярош, г. Воркута.

«Товарищ Черноморец не выходил на работу со дня своего рождения».
(Из радиогазеты).
Прислал М. Добров, г. Одесса.

Шведы утверждают: если держать большой палец к небу, дождя не будет. Я всю дорогу держал оба больших пальца вверх, поэтому погода была вдвойне «на ять».

Я впервые в Швеции и, честно говоря, представлял ее совсем иной — холодной, туманной и черно-белой. А она оказалась цветной и солнечной. Много впечатлений, неожиданных, ярких, смелых. Записываю их на ходу, в автобусе. Автобус трясет, мысли скачут. Записываю подряд то, что удивляет, и большое, и малое. В блокнот попадает и древняя Рыцарская церковь, прозрачная, как будто бы из кружев, и веселый парень с красными волосами, шагающий в обнимку с татуированной девицей...

Постепенно все это складывается и превращается в разноцветную мозаику...

ПОД МЕДНОЙ КРЫШЕЙ

В Синем зале Стокгольмской ратуши ежегодно чествуют новоиспеченных докторов наук, венчают их лавровыми венками. Броненосец, стоящий у набережной, дает залп из десятков орудий, гильзы вручают докторам на память — возвращаются домой с гильзами наперевес.

По Коридору Советников проходим в Зал заседаний. Идем тихохонько, на носках, чтобы не помешать: за каждой дверью — советник. Молча рассматриваем скульптуры, расставленные вдоль коридора: каменщики, маляры, штукатуры — строители Ратуши.

В Швеции популярны медные крыши, большинство старых зданий крыто медью — это долговечно, красиво и престижно. Но дорого. Поэтому здесь стоит кованный сундук, где хранится список трехсот меценатов, которые дали деньги на медную крышу для Ратуши.

По Галереям имени принца Евгения направляемся в Золотой зал. Стены этих галерей принц расписывал собственноручно, четыре года работал, и очень продуктивно, вероятно, это был самый трудолюбивый принц.

ПРО ХРАБРОГО ЗАЙЦА И ПРО ОСТАЛЬНОЕ

Из Стокгольма мы направились в Гетеборг. Погрузились в автобус, включили фары и понеслись. Не думайте, что это было вечером, — здесь ездят с горящими фарами круглосуточно: статистика показала, что это путь к уменьшению аварий, в новых автомобилях фары включаются автоматически вместе с двигателем.

Ездить по шведским дорогам — удовольствие: широкие, ухоженные и такие чистые, как совесть неподкупного ревизора. Не случайно Швеция — единственная страна в Европе, где на любых дорогах разрешена скорость движения до ста десяти километров в час.

Автобус довез нас до Йота-канала, где мы пересели на маленький пароходик, а сам понесся вперед, чтобы обогнать нас и перехватить дальше.

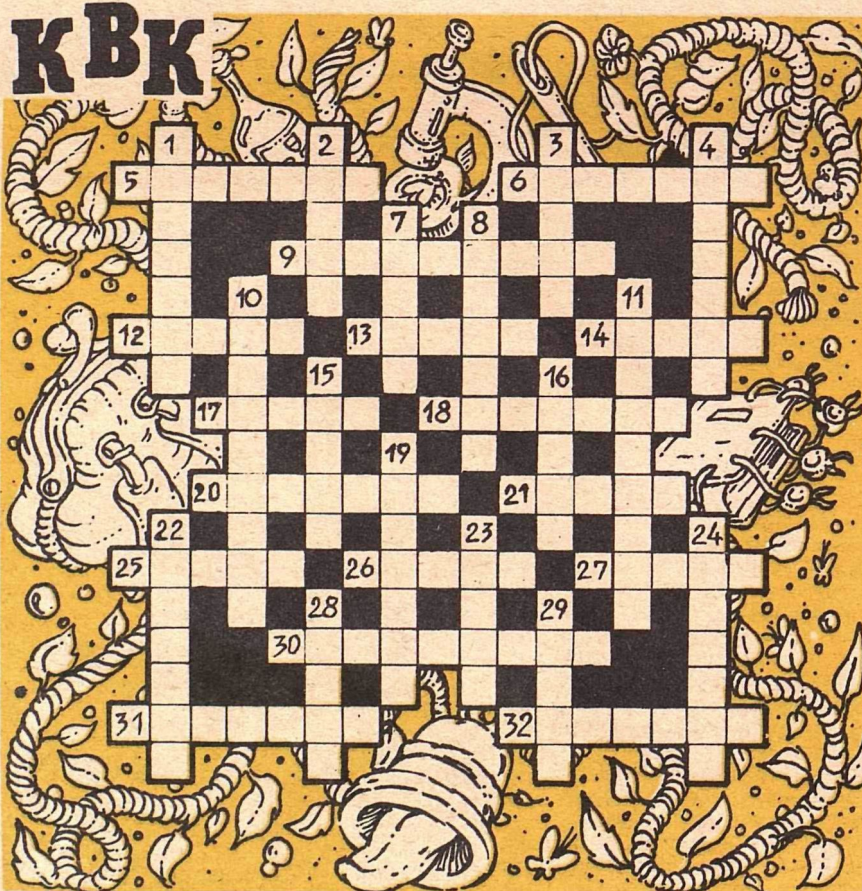
Йота-канал такой узкий, что места пароходик чиркает бортом о стенку, удивляешься, как он там протискивается, наверное, его предварительно намывают.

У следующей пристани уже нетерпеливо бил копытом наш автобус, и мы помчались дальше через маленькие, уютные городки, как будто сошедшие со старинных гравюр. Они были почти безлюдны, только изредка мимо нас пронесся велосипедист с ребенком за спиной, сидящим на укреплённом сзади специальном креслице. Еще в Стокгольме я обратил внимание на большое количество мужчин-велосипедистов с детьми. Это не случайно: при разводе суд часто отдаёт ребенка отцу, и тогда алимент-

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Одно из лежищ бюрократов. 6. Поилка для журавля. 9. Секретный справочник (учебн.). 12. Кошелёк толстосума. 13. Участница игры в шашки, выдвинутая на вышестоящую должность. 14. Дикорастущая веревка. 17. Предмет, который иногда семь раз опечатывают. 18. Телячья радость. 20. Слабак (ботанич.). 21. Авиакопыто. 25. Частица разума (разг.). 26. Коралловое кольцо. 27. Душегубка (алкогольн.). 30. Надежный способ захоронения деловой древесины. 31. Чувство, которое можно потерять, но уже нельзя найти. 32. Путеводитель (одуш.).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Языкастый инструмент (муз.). 2. Узкий путь к широкой дороге. 3. Самая малогабаритная квартира (историч.). 4. Единица измерения числа гостей. 7. Школьное прозвище Аркадия Арканова. 8. Бумажка (финанс.). 10. «Доброжелатель». 11. Прибор, легко делающий из мухи слона. 15. Вечное по-древнегречески. 16. Вынужденная покупка квитанции. 19. Мастер на все руки, ноги и т. п. 22. «А все бегут, бегут, бегут, бегут...» (спорт.). 23. Тара для благополучно завершённого дела. 24. Гимнаст-лихач. 28. Последняя преграда перед торжественной сдачей объекта. 29. Современный конкурент кваса.

Составил М. ВАСИЛЬЕВ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 25

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Нос. 8. Бык. 9. Стена. 10. Торба. 14. Клян. 15. Жилетка. 16. Часы. 19. Огород. 22. Решето. 23. Топор. 24. Лоб. 25. Шея. 27. Мешок. 29. Краска. 30. Пьяный. 34. Брак. 35. Потолок. 36. Небо. 40. Порох. 41. Товар. 43. Сук. 44. Жар.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Кот. 2. Хата. 3. Зонтик. 4. Иголка. 5. Зубы. 6. Сыр. 11. Пирог. 12. Лес. 13. Палец. 17. Сорочка. 18. Деревья. 20. Козел. 21. Горох. 26. Баран. 28. Ангел. 31. Корова. 32. Рог. 33. Локоть. 37. Морё. 38. Чапа. 39. Пуд. 42. Рак.

ОТ СТОКГОЛЬМА ДО ГЁТЕБОРГА

ты платит мать. Существует даже специальная ассоциация отцов-одиночек, где они решают свои родительские проблемы и, наверное, гневно осуждают мам, злостных неплательщиц.

Кальмар — древний, красивый город со старинной крепостью. Крепость стоит у озера, вокруг парк. По парку бегал заяц, который при виде нас не испугался, а присел на задние лапы и долго, внимательно за нами наблюдал. Он вел себя довольно отважно для зайца. А может, это был переодетый сторож?..

Переночевав в Кальмаре, мы продолжили путь в Гетеборг, но по дороге завернули на остров Эланд. К нему ведет самый длинный в Европе мост — 6070 метров, стоящий на 155 опорах. Эланд посещают legiony туристов, поэтому в придорожных магазинах уйма совершенно ненужных вещей, обозванных сувенирами. Например, бронированные рыцарские шлемы с рогами. Кому их дарить? Разве что обманутым мужьям.

ГЕТЕБОРГСКИЕ ШУТНИКИ

Гетеборг прежде всего город-порт. Здесь грузят все, вплоть до уникальных вышек для добычи нефти высотой в двести метров. Их устанавливают в море и бурят дно на огромную глубину, до двух километров (думаю, скоро изобретут более дешевый способ; при нынешнем загрязнении морей нефть можно уже добывать из рыб). В порту слышна русская речь — сюда ежегодно прибывают около четырехсот наших судов.

Старые улицы Гетеборга — из трехэтажных домов. Когда-то королевским указом было запрещено строить деревянные дома выше двух этажей. А хотелось. Тогда хитроумный губернатор придумал, как и указ соблюсти, и дома повыше поднять: велел первые этажи делать из кирпича, а потом уже два верхних из дерева. Эти дома до сих пор так и называются — губернаторские.

Город красив, расположен на холмах, сверху — прекрасная панорама. На высоком столбе-пьедале — фигура женщины. Этот монумент изображает верную жену моряка, ожидающую мужа. Но местные шутники обнаружили, что она смотрит не в сторону моря, а в сторону реки, и поставили под сомнение предмет ее ожидания.

Кого-кого, а шутников в Гетеборге хватает. Помимо легендарного университета и нескольких вузов, здесь есть коммерческий институт. Студенты этого института прославились своими розыгрышами. Когда во время какого-то морского праздника намечалось возложение венков к памятнику Посейдона, они приехали пораньше и обдали памятник струей противопожарной пены, под которой, как под белой шубой, исчез Посейдон. Пришлось вместо чествования бога морей его хорошенько прополоскать. А когда было закончено строительство Нового моста и на его открытие приехал премьер-министр, шутники нашли похожего на него человека, опередили процессию, и лжепремьер под марш оркестра торжественно перерезал ленточку. Представляете состояние правительственной комис-

сии, приехавшей на открытие уже «открытого» моста!..

Вообще, как выяснилось, чувство юмора — природная черта шведов. У них даже есть целая провинция Сконе с центральным городом Мальме, которая в Скандинавии так же популярна, как в Болгарии Габрово. Причем если юмор габровцев построен в основном на их мнимой скупости, то юмор жителей Сконе — на тупости и упрямстве, они, как и габровцы, охотно распространяют о себе всякие смешные небылицы. Вот один из анекдотов.

Автотурист из ФРГ, приехавший в Швецию, спросил по-немецки у двух полицейских на таможне, по какой дороге ему ехать дальше. Оба полицейских были из Сконе, поэтому, конечно, вопроса не поняли. Тогда он спросил по-английски, потом по-французски — тот же результат. Раздосадованный турист махнул рукой и уехал. Глядя ему вслед, один из полицейских виновато произнес:

— Неудобно. Надо бы выучить хоть один иностранный язык.

— Зачем? — удивился второй. — Этот идиот знал три языка; ему же это не помогло!

Говорят, что чувство юмора определяет здоровье нации. Это когда юмор укрепляет здоровье. А бывает и наоборот. Например, на стене Гетеборгской церкви, стоящей на вершине холма, намалеваны кем-то распылителем звезда и рядом свастика. Что это, тоже шутка? Если да, то, увы, весьма неудачная и вредная для здоровья страны.

СЧАСТЬЕ НЕ В ДЕНЬГАХ

«Счастье не в деньгах, а в их количестве». Если верить этому афоризму, то в стране особо счастливы четырнадцать человек, четырнадцать миллионеров и их семейства. Но тоже не совсем, потому что приходится платить большие налоги. В Швеции налоги очень высоки, от 30 до 72 процентов заработка: больше получил — больше заплатишь. Некоторые богачи даже меняют подданство, чтобы не терять так много.

Вообще здесь очень продумана система «клапанов»: выпускающих пар социальных противоречий. Предприниматели уступают часть своих акций рабочим, чтобы заинтересовать их в прибылях: ведь «пайщик» уже багастоват не станет. Плюс система всевозможных пособий: безработным, многодетным, матерям-одиночкам... Конечно, классовая борьба идет, но острота ее притупляется. И еще: большое количество иммигрантов, выполняющих все «непрестижные» работы, дает хозяевам страны «право на первосортность», чувство элитарности.

Уровень жизни высок, в этом мы еще раз убедились. настолько высок, что шведам до него порой трудно дотянуться: налоги, квартплата, система страхования. Каждая крона на счету, в банке: надо думать о завтрашнем дне, о старости.

Чтобы снять деньги со своего счета в любое время дня и ночи, во всех городах на улицах расставлены банкоматы, похожие на наши автоматы по продаже газированной воды, только

похитрей: вставляете пластмассовую пластинку с определенным кодом и с помощью специальных клавиш отсчитываете нужную сумму. Автомат проверяет наличие вашего счета в банке и выдает требуемое. На весь процесс уходит всего несколько минут. Это удобно для вкладчика, но удобно и для грабителей: вся процедура на виду... Они ждут, пока клиент получит деньги, а потом требуют поделиться. Случаи ограбления довольно часты. И в Стокгольме, и в Гетеборге я видел разбитые витрины магазинов, где пробины заклеены целлофаном — не успели стекла поменять. Это дело рук наркоманов, которым ежесуточно нужна доза наркотиков, стоящая больших денег.

Швеция очень гордится своими свободами: свобода печати (в стране сто пятьдесят ежедневных газет, много журналов — политических, экономических, порнографических и таких, в которых все это перемешано), свобода секса (почти на каждой улице есть свой «секс-шоп», предлагающий такие товары, о которых рассказать можно только самому себе, да и то в темноте и шепотом), свобода нравов (даже однополые браки). В разговоре с детьми нет запретных тем, с семнадцати лет их отделивают от родителей и предоставляют полную свободу. С одной стороны, это здорово: молодые люди проходят самостоятельную школу жизни, укрепляя души и мускулы. С другой стороны, запретный плод, перестав быть запретным, теряет свою привлекательность, нормально-естественное становится пресным, хочется чего-нибудь «поострей» — отсюда и все вышеперечисленное. Продать, продать, продать — главная задача всех предпринимателей. Большинство витрин перечеркнуто желтой полосой с тремя черными буквами REA — распродажа. Внесезонные товары, вышедшие из моды, маленькие размеры, остатки купленной партии — все отдается со скидкой на четверть, на треть, наполовину, только бы не залеживалось.

В сельском хозяйстве занято пять процентов населения плюс десять процентов сезонных рабочих, помогающих фермерам в летние месяцы. Полная механизация, своевременная обработка почвы, профессионализм самих фермеров и их сезонных помощников, моментальное внедрение новых достижений аграрной науки — все это дает свои высокие результаты.

Кормили нас хорошо и обильно — шведы сами любят поесть не меньше нашего. Правда, иногда качество уступало количеству. Например, персики, на вид сочные и привлекательные, оказались совершенно безвкусными из-за добавленных консервантов. Пережевывая эту пресную жвачку, я с нежностью вспоминал наши родные фрукты, измороженные хранением, но не обесчещенные химикатами.

И НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шведы отзывчивы и доброжелательны. На любой вопрос терпеливо отвечали, объясняли, даже провожали до нужного места, совершая героические усилия, чтобы понять мой кошмарный немецкий. Оказав помощь, вежливо благодарили, очевидно, за то, что я эту помощь принял («так» — по-шведски «спасибо», «так-так» — что-то вроде «большое спасибо»). Встречали и провожали улыбкой в гостиницах, в магазинах, в ресторанах. Можно спорить, искренне ли это или просто норма поведения, но в любом случае это прекрасно: улыбка создавала доброе настроение и помогала общению.

Так-так, Швеция!

Стокгольм — Гетеборг — Москва.

КРОКОДИЛ

№ 26 (2576)
сентябрь 1987

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
Ю. Б. БОРИН,
А. Е. ВИХРЕВ,
А. Б. ГОЛУБ,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. МОЧАЛОВ
(художественный редактор),
В. В. ПЕСКОВ,
В. И. ПОБЕДНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ,
(зам. главного редактора),
А. А. СУКОЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, Р. Друкман, Ю. Кособукин, Е. Милутка, В. Мохов, В. Полухин, Р. Самойлов, Е. Снежко, Ю. Степанов, Л. Сторожук, В. Тильман, В. Яковлев.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

НАШ АДРЕС:
101455, ГСП,
Москва, А-137,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 10.08.87.
Подписано к печати 17.08.87.
А 05124.

Формат бумаги 70×108½.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20
Тираж 5 400 000 экз.
(1-й завод: 1—2 799 260).
Изд. № 2365. Зак. № 1123.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил». 1987.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС
«Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

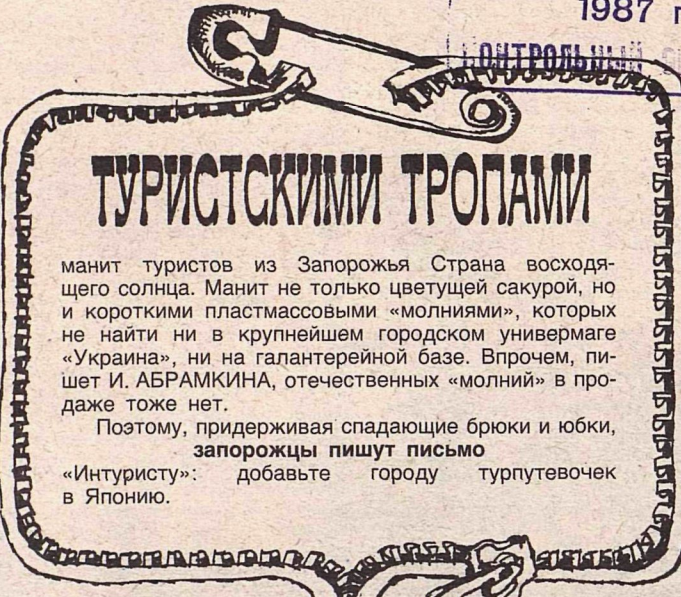

орд. «ЗНАК ПОЧЕТА»
С ПИШИНА ПАЛАТА

1987 г.

учится В. ЛЕСНИКОВ из Чермоза Пермской области, купивший ведра и питьевые бачки Лысьвенского металлургического завода. Через год-полтора внутри появляется ржавчина, а потом и много-много мелких дырочек, сквозь которые так весело струится вода!

манит туристов из Запорожья Страна восходящего солнца. Манит не только цветущей сакурой, но и короткими пластмассовыми «молниями», которых не найти ни в крупнейшем городском универсаме «Украина», ни на галантерейной базе. Впрочем, пишет И. АБРАМКИНА, отечественных «молний» в продаже тоже нет.
Поэтому, придерживая спадающие брюки и юбки, запорожцы пишут письмо «Интуристу»: добавьте городу турпутевочек в Японию.

Примета этого сезона — туфли и колготы одного цвета. Но, по озарению «Зари», столичного фирменного обувного магазина на Сretenке, женщина выглядит по-настоящему элегантно лишь в том случае, если цвет туфель совпадает и с цветом пяток.
Стоит несколько минут походить под дождем, к примеру, в синих босоножках за 26 рублей производства московской фабрики «Парижская коммуна», как И. КОСАРЕВА, и ультрасовременный эффект достигнут: пятки надолго остаются синими, отмывая их хоть до посинения.

Вестник дефицита
НОВОСТИ ЛИНГВИСТИКИ

Вопрос о том, как правильно говорить — «калоши» или «мокроступы» дискутировался «западниками» и «славянофилами» еще в пушкинские времена. И вот наконец-то спустя полтора столетия, эту проблему, кажется, удалось снять. Как сообщают тг. Бурвина из Рязанской области, Бахов из Ивановской и Евсиков из Тульской, жители средней полосы этих названий вообще не употребляют, так как называть ими попросту нечего. Хотя в сельских условиях, как известно, валенки с калошами являются незаменимым видом обуви.
Не зная, очевидно, каким же словом обозначить эти испрашиваемые многочисленными покупателями предметы, торговые работники поэтому и не включают их в заявки.
Вопрос о том, кто первый сел с калошами в калошу — промышленность, торговля или покупатель, — выясняется...

жильцы дома №7 второго микрорайона, что в поселке Новомихайловский Туапсинского района Краснодарского края. Выйдя на балконы, обитатели 87 квартир воздевают руки к небу с мольбой: «Господи! Ниспосли нам сухую, стабильно ясную погоду! Не допусти превращения дома во второй ноев ковчег!»
Больше семьям СОБОРОВЫХ, МАТЮХАНОВЫХ и другим жильцам надеяться не на кого: за семь лет существования дома река, протекающая в опасной близости от него, подмыла береговые укрепления. Так что достаточно сильного ливня, и дом, не дай бог, уплывет в Черное море.

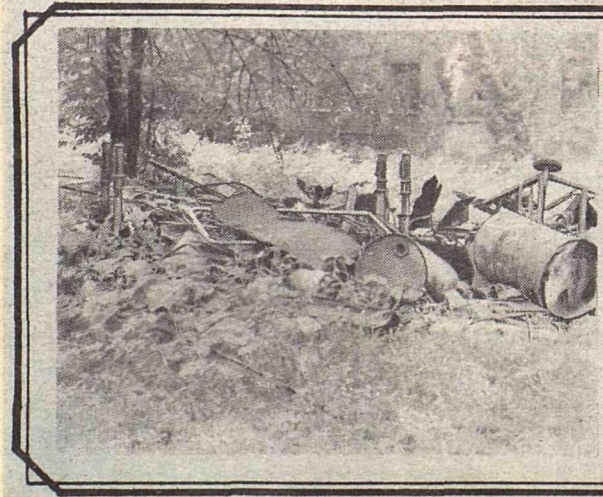
А. Голевинская из г. Ростова-на-Дону **НАСТОЯЩИМ ИЗВЕЩАЕТ:** переулоч Богучарский, что в балке Безымянной, отныне объявляется музеем-заповедником под открытым небом — филиалом знаменитых заирских болот р. Конго. Здесь, как и там, дома на сваях, под ними круглый год стоит вода, повышенная влажность, квакают лягушки, ползают всякие экзотические гады... Жители переулка милости просят в музей-заповедник туристов!

РАЗЗУДИСЬ, ПЛЕЧО!

Как сообщает М. ГОЛУБЕВ из Махачкалы, курский завод «СПЕЦЭЛЕВАТОРМЕЛЬМАШ» организует для покупателей своей продукции — «подставка для обуви металлическая» — **ТУРНИР ТЯЖЕЛОАТЛЕТОВ.** Явка участников с собственным вышеупомянутым снарядом (чистый вес 13 кг 100 г). Ответственный за массовость и главный арбитр состязания **КУРСКАЯ БАЗА «РОСХОЗТОРГА»**, вот уже пять лет заказывающая этот металлоемкий домашний пустичок.

НЕ КАЖДОЙ БАБУШКЕ ПОД СИЛУ

угостить внучат мороженым, продающимся, как сообщают Г. МУХИНА и др., в магазине Новомосковска Тульской области. Девиз торговли: «Не меньше килограмма в одни руки!» Внучата-то, положим, были бы довольны такими порциями, да иной бабушке тяжести таскать не по годам. **ТРЕНИРУЙСЯ, БАБКА!**

ЗАМЕТКИ ФЕНОЛОГА

Чуть только первые лучи ласкового солнышка растопят зимние сугробы, для Д. ХАРИТОНОВА, Л. ШМЕЛЕВОЙ и остальных жильцов дома №9 наступает настоящая **ВЕСНА НА ЗАРЕЧНОЙ УЛИЦЕ**
Чу! Вот уже из-под снега пробиваются первые робкие глыбы железобетона. Теплыми долгими вечерами не наглядеться на причудливые сплетения ржавого металлолома.
Быстро промелькнет лето, осень, и вновь волшебница-зима засыплет снегом этот живописный пейзаж тихого московского дворика, любовно опекаемого жэком №11 и Киевским райисполкомом с 1982 года.